

ВОЕННО - ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

АНДРЕЙ БУРОВСКИЙ

«ПРОГРЕССОРЫ»
СТАЛИНА
И ГИТЛЕРА
Даешь Шамбалу!

Андрей Буровский

**«Прогрессоры» Сталина и
Гитлера. Даешь Шамбалу!**

«Яуза»

2011

Буровский А. М.

«Прогрессоры» Сталина и Гитлера. Даешь Шамбалу! /
А. М. Буровский — «Яуза», 2011

В этой альтернативной истории раввин Адольф Гитлер дружески беседует с православным монахом Иосифом Джугашвили. Здесь не было ни Второй Мировой войны, ни лагерей смерти, ни ужасов Холокоста. Здесь человечество избежало кровавого ада XX века. Как такое стало возможным? Благодаря кому Россия и весь мир обрели светлое прошлое? Кто вправил вывих истории и переписал ее набело, с чистого листа? Два человека – русский и немец, коммунист и нацист, когда-то бывшие заклятыми врагами, но отрекшиеся от прежней веры, прежней ненависти и прежних вождей ради светлого будущего и ставшие братьями по оружию. Они прорвутся в легендарную Шамбалу и обратят древнюю святую мудрость против кроваво-красной магии СССР и оккультного Рейха! Они станут «прогрессорами» Нового мира! Они подарят человечеству альтернативу, в которой возможна дружеская беседа ребе Адольфа и отца Иосифа! Первый фантастический боевик самого «неполиткорректного» историка! Новая серия сенсационной военно-исторической фантастики, нарушающей все запреты! Самые острые темы, самые вызывающие сюжеты, самые невероятные альтернативы!

© Буровский А. М., 2011

© Яуза, 2011

Содержание

Пролог	5
Часть I	9
Конец спокойной жизни	9
На перекрестии прицела	20
Первый плохой человек	25
Незнакомец	31
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Андрей Буровский

«Прогрессоры» Сталина и Гитлера. Даешь Шамбалу!

В книге использованы стихи Льва Озерова, Вадима Стеанцова, Николая Гумилева, Павла Когана, Иосифа Сталина, Бориса Лапина, Сергея Гультова, Арсения Несмелова, а также и свои собственные. И безымянные народные частушки.

Все персонажи книги злонамеренно выдуманы автором. Всякая попытка увидеть в них настоящих исторических деятелей преследуется по закону.

Автор благодарит своих друзей —

*– за помощь в работе над книгой.
Говорят погибшие. Без точек
И без запятых. Почти без слов.*

*Если человек не готов рисковать жизнью ради своих убеждений,
то либо эти убеждения, либо этот человек ничего не стоят.*
Эзра Паунд

*Из концлагерей. Из одиночек.
Из горящих яростно домов.
Говорят погибшие. Тетради.
Письма. Завещанья. Дневники.
На кирпичной на шершавой глади
Росчерк торопящейся руки.
На промозглых нарах железакой,
На стекле осколками стекла,
Струйкой крови на полу барака
Расписалась жизнь – пока была.*

Л. Озеров

Пролог

Бледное небо слабо желтело на востоке – там, где обозначилась шоколадно-коричневая, низкая земля Палестины. Море было еще темно-маслянистое, таинственное. Только за кормой сверкали бесчисленными пузырями легкие убегающие струи. В жемчужно-прозрачном свете раннего утра море катило к незнакомой земле низкие, еле заметные волночки.

Пожилой монах из России вглядывался в берег Палестины, стараясь рассмотреть пляжи, домики, невнятные серые деревья. Палестину он знал только по описаниям и книгам. А теперь в этой стране ему предстояло дожить все, что отпущено.

– Не беспокойтесь, не первый раз возим, к самому монастырю доставим!

Это, конечно, был Васенька: самый молодой матрос. Наверное, не было у Васеньки отца или это на корабле сильно не хватало ему компании мужчины постарше, но факт: всю дорогу вел он с пожилым, солидным монахом долгие «умные» беседы – и о божественном, и просто о жизни.

– Ну мы понятно... А вам что в такое время не спится? Сошли бы с борта, когда уже совсем день...

– В такое время, Васенька, еще летают сны-мучители над грешными людьми и ангелы-хранители беседуют с детьми. Самое время делать дела, пока людей нет; а когда все проснутся – монаху пора уже быть в монастыре, не в миру...

Пока говорили, солнце выкатилось из-за земли: по-южному быстро, легко, заливая серо-жемчужное мерцающее небо ровной голубой и тоже прозрачной глазурью. Мир словно вспыхнул: море стало сияюще-синим, серые пляжи – золотыми, домики – белыми. На фоне темно-зеленых кипарисов, серебристо-зеленых олив задумчиво курились, двигались полосы тумана. Мотор стукнул в последний раз, замолчал. Ни ветерка, ни звука: только булькала вода за бортом, да зашипел песок, в который уперся нос катера.

Прибоя не было... так, легкое дыхание моря, легкие низкие волночки. Плеск моря казался слышнее голосов.

– Кипр видели?

Это опять кричал матрос Вася.

– Вы же мне еще в море показывали!

– То в море... А вон видите? Такая коричневая глыба...

Монах напряг зрение... Нет, глыбы не было... Разве что странная коричневая полоска, как мазок на ясной сини моря.

– Это и есть?

– Оно самое!

Падал на песок трап, говорили матросы, метрах в ста у шаланды перекликались ранние местные рыбаки. Странно, но все равно было тихо; в свете раннего-раннего утра как будто растаяли все звуки.

Кто не видел утренней Кореи,
Тот не знает вечной тишины.
Нам не слышны ваши батареи,
Нам не слышен грубый рык войны.
Сколько ваши пушки ни старались,
Наши уши были как во сне.
Ваши брань и крики затерялись
В утренней, великой тишине.

Стихи были не монаха, и он порой об этом жалел. Господь судил ему борьбу со многими своими грехами, одним из них порой бывала зависть: почему не он придумал что-то хорошее?!

Монах благословил Васеньку, попрощался с капитаном, сошел на берег по скрипучему шаткому трапу. Гулко ударило сердце: он здесь! Монах опустился на колени, поцеловал Святую Землю. Равнодушно галдели матросы. Что-то по-своему галдели рыбаки на непонятном монаху языке. Мальчишки то ли помогали им, то ли мешали. Они тоже галдели странными, как бы и неземными голосами.

Равнодушно плескалось море, набегало на берег мелкими прозрачными волночками. Вода была пронзительно-голубая, суетились в воде какие-то мелкие жизни. За несколько суток пути море изрядно надоело, да еще к югу от Турции день и ночь сильно поболтало. Монах с удовольствием чувствовал под ногами твердую землю, вдыхал воздух: еще не согретый, прохладно-вкусный. Прямо перед ним вырастал красивый белый город, чем-то неуловимо напоминавший ему Крым. Торчали колокольни монастыря в стороне, и где-то возле монастыря должна быть остановка автобуса. Очень чувствовался юг – уже по разным оттенкам зеленого на всех деревьях, этому разнообразию зелени.

Пора идти! Солнце взошло, его предупреждали: скоро станет по-настоящему жарко. Монах еще раз махнул Васеньке, и все, и Васенька проваливался в прошлое, как и весь катер, как и весь путь сюда. Без прошлого ничего нет, но и прошлого тоже уже нет. Монах целенаправленно двинулся по дороге к белой стене монастыря. Стена маячила перед скоплением городских домиков, в конце пляжа: от силы метров четыреста. А монах привык долго гулять один; вес чемодана почти не ощущался в натренированной руке.

Как ему и говорили, остановка автобуса вот она, возле самой стены белого камня. Описание написано и на немецком, и на русском, первый автобус на Иерусалим должен был подойти через 20 минут.

В тени белой-белой стены, под акацией, словно ждал человек в полосатом талесе. Он не мог ждать, потому что в Палестине монаха ждали только несколько единоверцев в небольшом православном монастыре. И все же монаху показалось, что он откуда-то знает этого словно подстерегавшего его человека... чужого человека в чужой им обоим стране. Человек, впрочем, был занят: увлеченно сидел за мольбертом. Да-да! Именно что увлеченно он сидел на раскладном стуле, какой носят многие художники. Человек склонялся и отодвигался, деловито добавлял что-то из палитры с красками на край холста, пробовал, смешивал. Губы у него вытянулись в трубочку, смешно и трогательно.

Монаху стало интересно, что рисует этот человек, хотя было и очень неловко подглядывать. А человек вдруг поднял глаза... И гулко ударило сердце. Да! Монах совершенно точно знал этого человека! Человек в талесе робко улыбнулся... Он и тянулся к монаху, и как будто боялся его.

– Шолом алейхем...

– Алейхем шолом, незнакомец! Guten Tag! Что вы рисуете?

– Я... рисовайт... Смотрите!

Дальше человек отвечал по-немецки. И монах вздрогнул, потому что окончательно узнал этого, в талесе. Из глубины памяти наплыло: рев мощных двигателей, шаг катящихся друг на друга могучих машин, движется пулеметная лента, огонь лижет черное отверстие ствола...

– Не надо об этом... – Голос человека в талесе вывел монаха из транса. – Не надо вспоминать, как мы могли уничтожить все, что нам дорого.

– Вы узнали меня?!

– Конечно, я узнал вас, мой дорогой друг. Иосиф бен Виссарион, вы могли стать императором у русских, но сделали выбор разумнее.

– Я не сам по себе его сделал... Не я, Иосиф бен Виссарион, так порешил, – невольно усмехнулся монах, прокатывая на языке свое новое имя.

– Мне тоже помогли, и вот я написал эту картину...

Человек в талесе махнул рукой, и пожилой монах Иосиф склонился над холстом. И был на холсте голубой берег моря, край рыжей и бурой земли, маленький кораблик на переломе моря и суши. От кораблика шел человек в одежде монаха: шел прямо к бившему в лицо, слепящему солнцу. На картине было видно, какое море громадное и синее, какая суша твердая и прочная. Почему-то чувствовалось, что именно тут суша кончается, словно бы на берегу – конец света. От этого одинокого человека, идущего встреч солнцу, исходило тревожное ощущение перемены, непокоя, перелома. Очень хорошая картина.

– Разве ваша вера не запрещает изображать людей?

– Нельзя изображать лицо... – серьезно ответил человек в талесе. – И я его, как видите, не изобразил.

– Вы нарисовали так, что и без лица все стало ясно.

Человек довольно ухмыльнулся. Монаха тянуло к этому человеку... Он когда-то странно любил его судорожной, нервной любовью... Это потом его научили, как монаха, не привязываться ни к кому слишком сильно, не принимать ничего слишком близко.

– Нас Провидение свело тут, на краю земли...

– Не на краю... Тут центр земли. Мы встретились на Святой Земле, и в этом проявилась воля Йахве.

– Воля Божья, – согласно кивнул монах. И продолжал: – Я хочу видеть вас, но вам же нельзя в монастырь...

– Моя вера позволяет в монастырь... Это монахи при виде меня могут испугаться, будто увидели черта. Лучше приходите сюда вы... Приходите, и мы обязательно поговорим о делах великих и удивительных...

– ...которые делали мы сами...

– ...и которые творили другие – нашими руками и не нашими. Иосиф бен Виссарион, мне часто снятся эти времена и снитесь вы... Мы были участниками великих событий, но я рад, что получилось именно так... Что я сейчас не диктатор полумира, а раввин и помогаю выполнять волю Йахве. И еще я рисую картины... их выставляют и в Европе.

– Вряд ли я позволил бы вам властвовать в своей половине мира, – усмехнулся монах. Улыбка получилась нехорошей. – Приятно, что теперь я тоже служу Богу, и надеюсь, Он простит мне сотворенное зло... Сотворенное вольно и невольно. И еще я пишу стихи... Вроде не очень плохие стихи, у меня уже вышло два сборника.

– Я читал ваше... Писать стихи у вас получается лучше, чем устраивать войны.

– Войны я тоже совсем неплохо устраивал, вспомнить страшно. Да, я хочу видеть вас, я приеду.

– Вот он, мой домик, с синей крышей... И грушевое дерево у входа. Я тут встречаю иногда тех, кто приезжает в Палестину – паломником или насовсем.

– Я – насовсем.

– Вот и приходите. Забудете синий дом и грушу, не страшно: спросите Ада Шикля. Евреи в Палестине упрощают имена, как в Америке; под этим именем меня тут все знают. Мы сядем под грушевым деревом, в саду. Мы будем есть груши и виноград, а потом выпьем немного... Я сам делаю неплохое вино. И слышите? Уже гудит автобус, вам пора. До свидания, Иосиф бен Виссарион.

– Монастырского вина и я вам привезу. Это лучшее в мире вино, и под него мы поговорим, как дошли до жизни такой. До свидания, Адольф Алоизьевич.

– Вот именно: как мы дошли до жизни такой. И как дошли до нее все остальные.

Монах чуть подумал, склонив голову, и перекрестил еврея в талесе: он хотел, чтобы тот тоже попал в рай. Он боялся, что крестное знамение еврею не понравится, но человек в талесе улыбнулся. Пока монах пересекал площадь, художник что-то бормотал, делая движения руками. А потом монах сел в автобус... Он уехал в монастырь, в котором ему предстояло жить.

С тех пор он больше никогда не видел своего давнего знакомого. Старые знакомые никогда не сидели за столиком под грушевым деревом, не ели винограда и не пили вина, сделанного руками человека в талесе, с хорошим немецким языком. Последняя встреча этих людей состоялась как случайная встреча на берегу пляжа в северном пригороде Яффы, который назван «Холмом весны», Тель-Авивом.

Из сказанного не следует, что со старыми знакомыми случилось что-то плохое или что они расхотели встречаться. Знакомцы не успели встретиться потому, что примерно спустя месяц оба умерли самой естественной смертью. При жизни их называли разными именами, но все же Иосифу Джугашвили повезло больше: его имя осталось и на могиле, и на обложках сборников его стихов.

А вот по поводу Ада Шикля наивные еврейские люди думали, что фамилия эта происходит от названия весовой и денежной единицы – шекеля. Что у него есть и другая фамилия, они не знали, и многие никак не связывали это имя с картинами, выставленными во многих странах мира; с картинами Адольфа Алоизьевича Гитлера.

Часть I КОМСОМОЛЕЦ

Конец спокойной жизни Пети Каца

Свои первые двадцать два года Петя прожил в мире понятном и предсказуемом. Петя любил папу и дедушку, товарища Сталина и Советскую власть. Петя был влюблен в восточные языки и во второкурсницу Таню. Петя уважал законы, правила уличного движения и университетское начальство. Петя не любил эксплуататорские классы, буржуазных поджигателей войны и кодлу из соседнего двора. Справедливости ради надо сказать, что Петя не боялся ни империалистов, ни драки с соседним двором: он хорошо стрелял, неустойчиво бегал на лыжах, знал радиодело.

Петя был счастлив, потому что родился в самой замечательной на свете Стране Советов, потому что он хорошо учился в школе, а в университете его собирались оставить на кафедре.

Жизнь Пете омрачали только мысли о неизбежности войны, холодность Тани и вечные болезни – причем даже не свои, а дедушки.

В общем, жизнь у Пети была хорошая, правильная, и никак она не могла кончиться так странно. Но она кончилась, и Петя даже точно знал, когда: его первая жизнь кончилась четвертого мая тысяча девятьсот тридцать седьмого года. Это произошло в половине восьмого вечера. Петя и место тоже знал: подворотня за булочной, рядом с трамвайной остановкой.

В этот вечер Петя соскочил с трамвая и вдруг понял, что идти домой ему совершенно не хочется. Слушаться внутреннего голоса стоило, потому что, если появлялся этот противный внутренний голосок и что-то подсказывал Пете, он обязательно оказывался прав. В десять лет внутренний голосок сказал Пете, что не надо лезть в пруд... над ним смеялись и дразнили трусом... А он панически боялся войти в воду, и все. А потом в пруду всплыл утопленник. Так и всплыл, посреди купающихся, и все мальчишки не только перепугались, но заболели, потому что купались в этой воде и даже набирали ее в рот.

В тринадцать лет внутренний голос сказал, что не надо выбегать на дорогу. Петя не выбежал и остался жив, а пьяный шофер промчался в метре от него на вихляющем грузовике.

Были и еще другие случаи. И все-таки, несмотря на явную полезность «голоска», Петя боялся таких «наплывов». Ведь вместе с «наплывами» в его разумную жизнь вторгалось что-то необъяснимое. А этого Петя не любил. В этот вечер он с полминуты хмурился, неласково смотрел на темно-синее небо. Первые яркие звездочки высыпали над острыми старинными крышами, весело перекликался народ на остановке, звенел подъезжающий трамвай. Под эти звуки Пете все сильнее хотелось сесть на трамвай. Но еще сильнее захотелось переломить утробное нежелание идти домой коротким путем. Он что – старая бабка на паперти?! Стоит тут и мнется возле остановки, боится, неизвестно чего! Вот плакат по ветру колышется, подсвеченный лампочкой. «Жить стало лучше, жить стало веселее». Плакат – коммунистически идейный, это слова товарища Сталина... А он киснет, подворотни боится! Комсомолец еще называется, строитель нового мира...

Петя сильнее нахмурился, закурил папиросу и двинулся навстречу своей судьбе. Шаги странно, тревожно отдавались под сводами низкой подворотни. Как и следовало думать, никого. И во дворе-колодце никого, только играет музыка да перекликаются голоса за освещенными окнами. Как ни глупо, Петя постоял во дворе, глядя в пройденную подворотню. Обычайнейший проход между улицей и двором-колодцем, классика для Ленинграда. В этом проходе

было пусто. Ему показалось, что во втором проходе раздался какой-то странный звук, вроде звона натянутой струны.

Нахмурившись еще сильнее, Петя сжал в кармане набитый мелочью кошелек: какой-никакой, а кастет. Он раза два применял этот способ, и далеко не без успеха. Против друзей, в честной схватке, так делать нельзя, тут все решают мужество и сила. А потом победитель подает побежденному руку, и они остаются лучшими друзьями.

Вот шпана дерется, как звери, нападают в темноте по трое на одного, разрывая рты, выдавливая глаза. С ними интеллигентные мальчишки тоже дрались без малейших рыцарских чувств и без всякой пощады.

Нахмуренный, напряженный, Петя шагнул в темноту перехода... Да, в темноту! Ступив под гулкие своды подворотни, Петя сразу понял, что лампочка под потолком разбита и именно ее высокий чистый звон только что слышался во дворе. Шагнув со света, Петя не сразу заметил вертикальную фигуру у стены. Остановился, и тут же «фигура» оторвалась от шершавого камня, молча шагнула навстречу. Сердце заколотилось. Странно, но Петя рассердился не на себя, что не послушался Голоса, а на сам Голос. И на эту морду – за то, что ее испугался. Потому что хоть с двумя, даже с тремя уличными поганцами ему доводилось справляться.

Петя считал себя сильным и ловким, его было не напугать несколькими синяками. Выплыви из темноты расхлябанные тела, тупые морды с торчащими в пастях «бычками», Петя шагнул бы вперед, двинул в челюсть кулаком с зажатым в нем кошельком. Но этот вел себя слишком *необычно*... Даже странно.

Он не приближался к Пете, не пытался ни заговорить, ни напасть. Просто стоял, и все. Что-то в непривычном молчании, в подтянутой, ловкой позе незнакомца сразу отличало его от обычной питерской шпаны.

...Второго Петя заметил только краем глаза, на какую-то долю мгновения: высокий, неприятно-бесшумный силуэт справа и сзади. Петю рванули за воротник с дикой силой, он остро почувствовал лопатками шершавый склизкий камень этой глухой подворотни. И сильнейшая боль в правом боку под ребрами! Не вздохнуть.

Сползая вдоль стены, Петя разевал рот в диком крике, но с отбитой печенью даже не прохрипишь. Кажется, где-то недалеко кричала женщина... Петя был в этом не уверен. Двое подошли; свет со двора упал на умные волевые лица.

В лицо ударил вдруг луч сильного фонаря, Петя невольно зажмурился. Как сквозь сон, в распадающемся на части сознании навсегда отпечатались слова, сказанные не по-русски. Петя слышал и понял эти слова: «Яволь, герр капитан, эр шон берет!»

Услышав это, Петя полуоткрыл глаза, прищурился. В руке одного из стоящих тускло блеснул длинный узкий нож, больше похожий на штык. Петя понял, что его сейчас убьют, и вдруг второй наклонился, нажал холодными стальными пальцами там, где кончались челюсти, начиналась шея. Рот у Пети как-то сам собой, непроизвольно открылся, в рот хлынуло что-то жгучее. Петя непроизвольно проглотил, задохнулся, а водку продолжали вливать.

И вдруг появились еще люди! Кричала женщина. Теперь Петя точно слышал: кричала женщина. Кто-то кричал «Стой!» и «Стоять!». Кто-то бежал, шаги резонировали, отдавались эхом в узости темной подворотни. Выстрел ударил, как взрыв; опять кричала женщина.

Петя начал поворачивать голову, возвращались зрение и слух. Кто-то лежал совсем рядом с ним, на расстоянии протянутой руки. Вокруг головы лежащего растекалось темное пятно. В конце подворотни, на той улице, еще гроыхнули выстрелы – уже не в подворотне, потому и не такие громкие, тупо-сухие. Кто-то азартно вопил «Держи!», кто-то стрелял, а деловитый пожилой дядька в милицмейской форме поднимал Петю. Рукав гимнастерки у него был мокрый, дядька морщился, но тащил Петю вверх. Петя задыхался, накатила боль в бок... Извернувшись всем телом, Петя перевернулся, вырвавшись из рук дядьки, упал на живот, и его сильно, мучительно вырвало, под конец – отвратительно горькой желчью.

Дядька, тянувший только что Петю, никуда не ушел. Он все топтался вокруг, все спрашивал, может ли Петя встать. Другой человек в форме сидел у противоположной стены, привалившись спиной к этой промозглой стене; обеими руками он держался за согнутую ногу. Время от времени сидящий отчаянно охал.

Рядом стояла и беспрерывно тараторила плотная низенькая тетка в халате, с полотенцем через плечо: что она сразу шпану чувствует, а они прошли, она увидела, хорошо, что у свекра юбилей, все тут, она говорит мужикам, что вот они болтают, а кому-то опять морду бить будут, а вот тут вообще людей режут, когда ж это кончится, жить невозможно, вот ведь ужас...

Самый спокойный в подворотне был человек, вокруг головы которого продолжала растекаться черная лужа.

Петя подтянул под себя руки и встал. Его шатнуло, и наконец стоявший рядом в форме сделал что-то полезное: поддержал Петю.

– Стоять можете?

– Уже могу... – Петя почти улыбнулся и тут же полез за носовым платком: утереть губы. Наверное, времени прошло совсем немного, потому что на улице, за подворотней, все еще азартно орали и ловили кого-то. Ну зачем его поили водкой?! Петю замутило от спиртного на пустой желудок... Опять потянуло на рвоту.

Петя смотрел на лежащего. Черная лужа все расплзалась вокруг умного жесткого лица. Поползла вниз челюсть, раскрылись губы.

– Ер мусс ниht лебен... – внятно произнес лежащий человек. И повторил тише: – Ер мусс ниht... – Человек вдруг очень по-домашнему, как-то уютно зевнул. – ...ниht лебен...

И человек замолчал с открытыми глазами, отвесив нижнюю челюсть. Петя не сразу понял, что он умер. А лужа продолжала растекаться.

Возвращались люди в форме, возбужденные, взволнованные. Они махали руками, рассказывали друг другу детали необычной операции. Они уже любили Петю просто потому, что несколько минут назад его спасли. Петю хлопали по плечу и кричали, что он родился в рубашке. Пете что-то рассказывали, о чем-то расспрашивали, Пете вынесли рюмку водки и кусок пирога с морковкой. Пете кричали, что пить нельзя, пока его не осмотрит врач. Петя прислушался к себе... В голове шумело, но не сильно, а тошнить перестало. Он прислонился к стене, еще раз почувствовал, какая она шершавая и холодная... Петя выцедил рюмку и тоскливо подумал, что теперь будет слушаться Голоса. Но Голос давно уже молчал.

Потом было отделение милиции, был протокол, и тут в первый раз Петя понял, до какой степени влип во что-то непонятное и темное.

Знает ли он этого человека? Нет... Не знает. Посмотрите еще раз. Нет, не знает, никогда не встречал. А других участников бандитского нападения? Их он тоже не знает, никогда не встречал... да, уверен. А тогда зачем они напали на него? Нет, не из-за денег! У него ничего не просили, ничего не хотели взять. И у самих нападавших не было ни копейки... по крайней мере у этого, убитого. Кстати, и документов у него не было. Нет, не беглый – вон какой сытый и здоровый. Хотя денег и документов при убитом не было, зато был очень интересный нож...

Нож и правда оказался странный – сантиметров двадцати пяти в длину, бритвенной остроты, шириной от силы сантиметра три у рукояти. Нож заострялся как штык. Петя ходил по грибы и ягоды, не раз бывал в зимних походах. Он понимал, что такой нож не годится ни разделывать тушу, ни открывать банку, ни колоть лучинку... Он предназначен только для убийства.

А еще вот фонарик какой интересный! Петя и правда не видал ничего подобного в своей жизни... А ему объясняли: это армейский фонарик. Из гражданских такие выдают только членам охотничьих кооперативов. Что, Петя и дальше будет утверждать, что на него напал обычный уголовник? Что у Пети просто хотели встряхнуть несколько медяков на выпивку?

Ах, он ничего не утверждает! Так и запишем. А что это такое говорил умирающий?

– Он не должен жить... – перевел Петя. Человек еще раньше говорил и другое: «господин капитан, он уже готов!» Но было совершенно невозможно повторить эти слова: при ярком электрическом свете, на допросе, такие слова выглядели совершеннейшим бредом. Тем более что ясно: не мог же говорить такие слова мелкий уголовник, промышляющий в подворотне.

– Как интересно! А кто именно не должен жить?!

– Откуда я знаю... – мямлил Петя, сам в тоске от всех этих странностей. – Наверно, это я не должен жить...

– А может быть, и кто-то другой... – проницательно усмехался следователь. Грустно смотрел на Петю, грустно сопел срочно вызванный участковый.

– Я вам всегда верил, товарищ Кац... – говорил участковый, и получалось, что участковый-то всегда Пете верил, а вот Петя каким-то непостижимым образом подвел участкового... Хотя и совершенно непонятно, как именно.

Следователь колотил по клавишам разболтанной машинки, нервно курил, задавал новые вопросы и снова курил, совал в пепельницу бычок и опять колотил по стучащим, западающим клавишам. Следователь работал под плакатом «Уважай время!». Участковый молча сидел, молча слушал, кивал и сопел.

А вообще вокруг кипела работа: кого-то волокли по коридору, а он вопил – «Да я-то тут при чем?!». В другом углу бабка крестилась на стоящий в углу сейф и на батарею центрального отопления. Баба клялась Богом, что «не брала этого задрипанного халата, а трусов так вообще от роду никаких не видала». Кто-то орал, что «это все Колькины дела, нечего на меня вешать!» А кто-то другой все эти вопли старательно записывал, даже язык высунул от напряжения.

Петю осматривал врач, говорил, что ничего, просто ушиб, что до свадьбы заживет и что он посоветует хорошие пилюли, просто на всякий случай. Врач тоже работал – изучал Петю и лечил. Участковый только наблюдал.

Петя читал протокол, расписывался – он тоже по-своему работал. Участковый и за этим наблюдал.

– Хотите правду, гражданин Кац? Я вам не верю.

Так сказал следователь, когда Петя уже все подписал. Следователь откинулся на спинку жесткого стула, блаженно потянулся, закинув руки за голову... Ладный дядька в форме, смертельно уставший сидеть перед утыканной окурками пепельницей и раздолбанной казенной пишмашинкой.

– Почему не верите?! Я рассказывал правду!

– Может быть... но в вашей правде нет ответов на многие интересные вопросы. Никто вас грабить не собирался, не врете.

– Я же не знаю, что именно им было надо! Это они напали!

Следователь опять рассматривал Петю, как будто Петя сделался вдруг бессмертной картиной из Эрмитажа. Потом он так же рассматривал петин паспорт...

– Может быть, им как раз мой паспорт был нужен!

Следователь перевел взгляд на Петю – задумчивый такой, оценивающий. Взгляд сделался чуть более теплым.

– А что? Это уже версия... Реальная...

В тоне следователя пробила даже какая-то нотка уважения.

Уже почти в одиннадцать часов начал работать не Петя, не врач и не следователь, а как раз участковый: проводил Петю домой. Он вяло отмахнулся от всяких «сам дойду», они вместе пошли по уже засыпающему городу. Участковый молчал до подъезда – маленький, потертый и настырный. Уже перед подъездом участковый длинно вздохнул и тихо, но внятно произнес: он рассчитывает, что Петр Исаакович все же объяснит, какие отношения связывают его с компанией из подворотни.

– Ничто не связывает.

– Петр Исаакович, Петр Исаакович... Таких случайностей не бывает. Понимаю, что вы не все хотите рассказать. Но вы же сами понимаете: вы приговорены. Вас не убили на этот раз – убьют потом.

– Кто?!

– Вы же сами не хотите нам рассказывать, кто. И не так важно, что именно вы не поделили, чем вы так наступили на хвост вашим... знакомым. Важно, что в другой раз вас зарежут.

– Так прямо и зарежут?!

– Ну, застрелят. Хотя скорее зарежут. Вам зачем в рот водку лили? Чтобы сошло за пьяную драку. Напились вы, устроили поножовщину, вам же и не повезло. Понимаете, только мы можем вас спасти. Никто больше этим заниматься не будет.

Участковый выжидательно замолчал. Петя тоже молчал.

– Ну, идите...

Петя попрощался, протянул руку... Участковый уже уходил: маленький, нахотеленный, упрямый. Он уходил, ни разу не обернувшись, не подав Пете руки. Петя понимал – всегда они с участковым и вообще с милицией были по одну сторону окопов... А теперь вдруг оказались по разную. Очень страшное открытие для советского человека в тридцать седьмом.

Квартиру, конечно, давно закрыли на цепочку и засов: баба Кира, старая страшная ведьма, скандалистка и самогонщица, смертельно боялась ограблений. Квартира мирно спала: самая обычная для Ленинграда коммунальная квартира на Мойке. В этой квартире из восьми комнат только две занимали Кацы, а в остальной квартире кого только не было! Сейчас, конечно, все спали, и первые, кто рано ложился, – это пролетарий Запечкин, с женой и сыном. Сын женился и получил вторую комнату. Оба они с отцом редко были трезвы, но по утрам честно уходили на работу. Спал и служащий Коленичук, всегда одинокий, нечистоплотный и несчастный: ему тоже завтра на работу. Спал и военный инженер Зайцев, тоже с женой и двумя дочками ненамного младше Пети.

Кроме Кацев, могли не спать девочки: они по ночам читали при настольной лампе. Пролетарии ругались из-за этого с Зайцевыми: требовали, чтобы они платили за сожженное дочками электричество. И, конечно, могла не спать баба Кира – она вообще непонятно когда спала.

Но открыл дед! Это здорово, что открыл любимый старый дед. У деда прямо лицо задрожало от радости:

– Наконец-то! Мы совсем думали, тебя опять на сборы...

Прошлым летом Петю и правда увезли на сборы Осоавиахима. Увезли срочно, он не успел забежать домой, а порученец с первого курса поленился, сообщил только на другой день.

Никого и никогда не было у Пети ближе и родней странной мужской семьи, в которой (как грустно шутил папа) женщины не выживали. Маму Петя не помнил, бабушку помнил, но смутно. Об отце и о нем, Пете, всегда заботился дед. «За маму и за бабушку», – говорил папа.

Дед и сейчас помчался греть чайник, доставал из буфета колбасу, масло... Папа уже лежал в постели: ему тоже завтра рано на работу, как всем. При виде Пети папа тут же вылез, накинул облезлый халат. Оказалось, Петя и правда хочет есть. Петя давно знал – папе и деду всегда лучше рассказывать правду. Глотая чай, Петя шепотом рассказывал о своих приключениях. Почему шепотом? Потому что в коммунальной квартире по ночам всегда говорят шепотом. Дед вполголоса орал, проклиная на идиш костный мозг, печень и семя негодяев, которые напали на внука. А вот папа... Папа закурил папиросу, и глаза у него стали словно бы оловянные. Тихо, склоняя голову то на одно, то на другое плечо, папа стал задавать вопросы. Следователь торопился, нервничал, папа был каменно спокоен – но вопросы-то были те же самые.

Дедушка хватался за сердце, сдавленно кричал: «Яхве! Яхве! Яхве!» Он морщился, невольно повышал голос и сам же прикладывал палец к губам.

Папа голоса не повысил, но дед верил каждому слову внука, и ему было все ясно. А вот папа не очень верил, что Петя сказал ему все. Папа совершенно ничего не понимал: кто и зачем напал на Петю. Петя – тоже.

– Потому что, сынок, это ведь вовсе никакие не уголовники. И говорят по-немецки...

– Когда я сел, один из них еще сказал по-немецки, что я «готов».

– А потом посветил фонариком и понял, что надо добивать, – неприятно усмехнулся папа. – Кстати, а как твоя печень?

– Еще болит...

Бок вздулся, внутри сильно болело. Папа засуетился, где-то у него лежала на такие случаи припасенная левомициновая мазь. А дедушка, как всегда, стал с папой яростно ссориться:

– Левомицин?! Что такое левомицин?! Мазать надо гусиным жиром!

– Папа, не выдумывай, ничего нет хорошего в твоих гусях.

– В моих?! Мальчишка, ты сказал отцу «в моих»?!

– Ну не в моих же...

– Гусь – это еда! Гусь – это шкварки! Гусь – это перина! Гусь – это спасение!

– Гусь – это клопы...

– Какую ерунду ты несешь!

– Разве нет? Подушка набита гусиным пухом, а из нее лезут клопы... светлый образ местечка...

– Гусь – это способ лечиться!

– Все равно нет тут никакого гусиного жира. Сынок, наклонись немного, смажу бок.

– Нет гусиного жира?! Конечно нет! А не надо было ехать в Ленинград! Я говорил, что ничего хорошего не получится из Ленинграда!

– Ага, надо было подыхать с голоду в твоей Касриловке.

– Не смей называть так Шепетовку! В ней не зашибали людей в подворотнях. Это в Ленинграде такая мода – убивать в подворотнях живых людей!

Петя знал – Касриловку придумал писатель Шолом-Алейхем. Смешную и нелепую Касриловку, пародию на еврейское местечко. Папа ругает Шепетовку Касриловкой потому, что терпеть не может сельской жизни. Папа любит машины, работу турбин и движение. А дед любит гусей, огород, неторопливые беседы с соседями. Он не хотел уезжать из Шепетовки.

– Сынок... – тихо позвал папа Петю. – Сегодня у меня на работе взяли Бориса Моисеевича... За что – не говорят, но знаю точно – это очень порядочный человек. Очень приличный.

Папа помолчал, раскуривая папиросу. Лицо у него было строгое и в то же время грустное.

– Сынок, а давай ты уедешь из Ленинграда на несколько дней? У нас есть дальний родственник в Белоруссии. Мы никогда не виделись, но он тебя примет. Денег я дам... Посиди там.

Несколько минут Петя переваривал... Надо же... Как же испугался за него отец, если предлагает такое!

– У меня ведь экзамен послезавтра. А если оставят на кафедре?

Помолчали.

– То, что случилось, – намного важнее экзамена. Я очень не хочу тебя потерять.

– Я подумаю.

Произнося эти слова, Петя с удивлением понял, что готов послушаться папу. Он и на самом деле подумает. Что-то слишком уж странное и страшное начало происходить в его жизни.

Петя еще не знал, что на раздумья времени не будет. Время на раздумье было поздним вечером, когда папа заговорил о бегстве... Этого времени было совсем немного. Если бы Петя решился бежать и вышел бы из квартиры под утро, часов в пять или в шесть, он успел бы на утренний поезд. Тогда у него тоже были бы приключения, но совершенно другие.

Но Петя тянул... хотел подумать... Петю слишком интересовали отвлеченные вещи, чтобы он умел быстро принимать решения, касающиеся лично его. А утром, уже в семь утра, в дверь квартиры ударил звонок: решительный такой звонок, хозяйский. В семь часов утра квартира как раз приводила себя в порядок, чтобы разойтись по местам службы. Орало радио, рассказывая о достижениях строителей коровников на Украине и о подвигах пограничников: задержали еще нескольких шпионов. Открыла жена Запечкина и расплылась: бравый военный поднес руку к краю фуражки, спокойно-деловито выяснил, кто тут Кац. Он подал повестку, велел расписаться...

Петю вызвали на Гороховую улицу, в НКВД. Явиться срочно, в 9 часов... кабинет... фамилия ответственного работника...

Папа как раз уходил на работу, лицо у него сделалось очень грустное. Он крепко обнял Петю на прощание.

Потом, задним числом, Петя думал, что он начал меняться сразу после истории в подворотне. Например, он стал наблюдательнее, стал замечать то, на что еще сутки назад нипочем не обратил бы внимания. Только благодаря этому среди идущих по набережной Мойки Петя сразу заметил странного человека. Странный человек шел, словно привязанный за ниточку к Пете. Был он просто одет, в кепке самого пролетарского вида. Петя остановился, делая вид, что у него погасла папироса. И странный человек тут же остановился, уткнулся носом в витрину булочной.

Петя прошел метров сто и повернулся назад. Человек снова сунулся к витрине парикмахерской. Петя решительно направился к человеку, но рассмотреть успел немного... Главным его впечатлением остались умные недобрые глаза. А человек быстро, почти бегом, пошел назад. Не догонять же его?

Сердце у Пети колотилось, но получалось – он сумел прекратить слежку за собой! Наивен был Петя, неумел. Он не знал, что чаще всего слежку ведут два человека – один топорно, его нетрудно заметить. А другой следит осторожно, и его редко раскрывают. Обнаружив шпиона, Петя и понятия не имел, что за ним идет еще один.

У фасада Главного управления государственной безопасности НКВД СССР кипела жизнь. Висел знакомый плакат про «время уважай!». Все время кто-то входил и выходил, в форме и в штатском. Дежурный при входе показал, куда идти. Это вам была не милиция... Высокие потолки старинного здания, широкие коридоры с фотографиями на стенах, огромный портрет товарища Сталина, идеальная чистота, холеные крепкие люди.

В коридоре, куда он свернул, стулья у стен – но нет ни одного человека. На стук коротко ответили: «Войдите!» В кабинете тоже висели фотографии, и не только фотографии Сталина, как везде; висели фотографии незнакомых Пете людей в военной форме. Хозяин подал руку, представился:

– Майор государственной безопасности Чаниани.

И коротко велел:

– Садитесь. Рассказывайте.

Петя присел на стул перед красивым большим столом с огромной пепельницей. Стол был завален бумагами.

– Что рассказывать?

– Все. С самого начала.

– На меня вчера напали.

– Это мы уже знаем. Кто напал?

Петя рассказал историю, которую уже хорошо знает читатель. Хозяин внимательно слушал, попыхивая папиросой, временами делал записи – совсем короткие. Петя закончил рассказ тем, как участковый его проводил. Беседу с участковым у подъезда он, естественно, не пере-

дал. Повисло молчание. Чаниани наблюдал за Петей холодными черными глазами без всякого выражения. Странные были глаза – словно озера без дна.

– Вы понимаете, почему остались живы? – спросил Чаниани – тоже без всякого выражения. Как граммофон произнес.

– Они не успели... Там же был юбилей у милиционеров, и женщина заметила, как за мной кто-то торопливо вошел в арку.

– Да, и поэтому тоже. Но главное – когда убили бандита, держащего фонарик, второй сразу остался в темноте. Он стал стрелять в милицию, но и тогда пулял вслепую. Это называется «по направлению»... Вы же охотились?

– Да. Стрелял рябчиков.

– Тогда должны понимать, что при пулевой стрельбе по направлению стрелять неэффективно. И тем не менее оставшийся в живых бандит сразу ранил двух человек, – неплохая подготовка, я бы сказал. А вот почему он больше не стрелял, как вы думаете?

– Я же не знаю, кто стрелял... Вся подворотня гудела.

– Стреляли милиционеры. Поразительно неэффективно стреляли – ни одного попадания.

– Они же убили одного!

– С нескольких шагов, да еще в держащего сильный фонарь! – презрительно фыркнул Чаниани. – Причем в голову! Я считаю это случайным попаданием! Потому что после этого они стреляли больше десяти раз, и без малейшего результата! А «результат» единственного попадания у них безобразный, потому что допросить покойника, как вы понимаете, нет ни малейшей возможности. По ногам надо было стрелять!

Чаниани говорил все раздраженной. Он встал и прошелся по кабинету, нервно курил.

– Но это мелочи... – Чаниани остановился, ткнул рдеющей папиросой в сторону Пети. – Вы мне другое объясните. Объясните мне, чем вы так заинтересовали немецкую разведку?!

Нельзя сказать, что Петя так уж совсем не догадывался, кто его чуть не прикончил. И все же боялся додумывать... слишком страшно было подумать то, что говорил Чаниани, и сердце его совсем упало.

– Почему сразу «разведку»? – Петя сам чувствовал, каким противным просительным голосом заговорил. Чаниани остановился, неподвижно за ним наблюдая. – Может, им и правда мой паспорт был нужен?!

– Паспорт?! – Чаниани фыркнул, как разъяренный буйвол. – Вы просто повторяете слова какого-то осла из ментовки. Настоящий бандит закажет паспорт любому щипачу, и он вам через сутки притащит паспорт – целенький, чистенький и без всяких мокрых дел позади.

– Щипач – это такой карманник?

– Карманник и есть. Вы дадите карманнику двести рублей, и мелкий воришка будет счастлив. Зачем убивать кого-то за паспорт? Это глупо. А почему убегавший больше не стрелял? Не думали?

– Я и не знал, что он не стрелял...

– Так знайте. А не стрелял он потому, что сразу оторвался, ему больше не нужно было палить. Очень хладнокровный человек. Если такие вас пытались убить – значит, за дело. Рассказывайте.

– Да не знаю я их! Правда – не знаю!!

– Вы врете.

Пете пришел в голову как будто надежнейший ход:

– Если расскажу, что знаю, тогда и совру. А я не хочу вам врать, вот и говорю правду: не знаю.

– Именно этих можете и не знать. А кого знаете из германской разведки?

– Почему разведки?! Ну почему не бандиты?!

Петя даже руки прижал к груди для убедительности.

– Почему именно разведка? Потому, что вы еще не видели своего убийцы. Вы много видели бандитов, у которых на левом плече вытатуирована буква «В»? И это вовсе не русская «вэ»! Это латинская «бэ», группа крови. Вы много видели бандитов с такими татуировками?

– Я вообще бандитов не видел...

Петя понимал: да, если такая татуировка, то занялась им именно разведка. А Чаниани дожимал:

– Что бандитов не видели... верно, вы везде характеризуетесь положительно. Не были, не участвовали, не знакомы... Так ведь вот такие всякой разведке и нужны – чистенькие, ни в чем не замаранные.

Сердце у Пети скатилось вниз. Даже его «незамаранность» – это для «органов» признак едва ли не вины.

– Посидите, подумайте.

С полчаса Петя сидел, тупо глядя в пространство. Смотрел на фотографии... На портрет Сталина... Чаниани что-то читал, бешено фыркал, писал. Яростно отбросил перо ручки, поставил другое железное перо, сунул в чернильницу...

– Не надумали все рассказать?

– Я все рассказал. Правда, все...

Петя был сам себе противен, так просительно опять прозвучал голос.

– Ладно... Выпишу вам пропуск. Но сильно подозреваю – скоро вы сами ко мне попроситесь.

Чаниани замолчал, с улыбкой наблюдая за Петей. Он явно ждал вопроса, и Петя спросил:

– Почему?

– А потому, что никуда вы не денетесь – придется выбирать между двумя разведками. Если вы не разоружитесь перед органами, вас непременно убьют немцы. Вас поймали... вливали в вас водку – чтобы убийство сошло за результат пьяной разборки. Но убить вас можно и без этого...

Чаниани достал из ящика стола памятный Пете нож, держал его между пальцами двух рук, показывая Пете длину и форму оружия...

– Вот такой нож воткнуть вам в бок можно и в ста метрах от дверей НКВД. Не страшно сейчас выходить?

Поразительно, но Чаниани говорил то же самое, что и участковый! Отпустив эту парфянскую стрелу, он даже заулыбался – на этот раз вполне по-человечески. Стоит ли говорить, что Петя покидал здание «органов» в некоем смятении чувств? Он сам уже понимал – ведь достигнут. Но и этим «сдаваться»... Не с чем ведь! Они хотят признаний в том, что Петя и не думал совершать. Может, и правда уехать? Залечь там, где никто не достанет – ни германцы, ни госбезопасность, ни милиция?! Мелькнула в сознании сцена – сельская дорога... почерневшие от дождей избы... Гладь пруда морщит легким ветерком... Да, но и там есть участковый... Разве что дать денег щипачу, сделать «ксиву», поменяв имя и место рождения... Пускай ищут! а он с полгодика поработает в сельской школе...

Мечтать мешало только то, что не было у Пети знакомых щипачей. И людей, которые могли бы сделать ему «ксиву», тоже не было. Мечта оставалась мечтой, не перетекала в конкретные планы. К осуществлению мечты надо было основательно готовиться... А времени ведь не было ни часа.

Прямо из ГУГБ Петя пошел на Васильевский остров, в университет. Ему хватило ума проверять, не следят ли за ним. Уже вторая половина дня, кончились уроки в школах; целый пионерский отряд маршировал впереди.

«Та-та-та-та!» – красиво пел горн.

«Бум! Бум-бум-бум!» – отвечал ему барабан.

Как хорошо, как определенно было в жизни у этих подростков! Петя пристроился к ним – на виду у множества глаз.

Из университета домой Петю провожала целая компания... Жаль, Тани в этой компании не было. Ко всему прочему Петя в этот день еще и поссорился с Таней... причем на удивление глупо. Таня вредничала, конечно, требовала внимания. Не мог же Петя попросту сказать ей, что сейчас ему не до свиданий, не до того, чтобы вести ее куда-то? Таня ныла, что они нигде не бывают, даже не ходят гулять. А он уклончиво бормотал, что сейчас совершенно нет времени. В конце концов Таня кинулась по коридору, бросив через плечо: «Больше мне не звони!» Петя сам удивился, как мало занимала его ссора. То есть занимала, конечно, но как-то не встала она на первое место в его жизни. Еще несколько дней назад он бы просто с ума сошел, кинулся бы за Татьяной, стал бы судорожно звонить через каждые полчаса... Сейчас он больше думал о том, как бы собрать побольше провожатых.

А в квартире витал странный дух. Привычно орала черная тарелка радио на стене, привычно воняло сбежавшими щами, но люди вели себя иначе. Служащий Коленичук встретился еще в коридоре. Как встретился, так сделал скорбное лицо, мгновенно ввинтился в дверь между висящими на стене велосипедом и детской ванной – в свою комнату.

Военный Зайцев при виде Пети сделал сухое лицо и тоже быстро ушел к себе. Даже не очень проницательному Пете было ясно – не хочет сказать обычного «здравия желаю». Его дочки всегда тепло беседовали с Петей, а младшая с ним безобразно кокетничала. «Драть некому», – ворчала всегда баба Кира. Теперь они так же мгновенно исчезли. Поторопилась из кухни и жена Запечного-старшего, утащила в комнату явно недоготовленный гуляш. Не будь всех «чудес» последних суток, Петя недоумевал бы. Теперь ему все стало очень ясно.

И еще один урок преподнесла Пете жизнь в этот вечер: подтверждение правоты и мудрости папы... Когда-то папа сказал: «рабочие все же лучше нас... У интеллигенции всякие расчёты, условности... врут друг другу все время, лицемерят... А пролетарий тебе прямо скажет, нравишься ты ему или нет. И в беде поможет, не спрашивая, что ему за это отломится».

Вот и пролетарий Запечкин-младший, воровато озираясь, поманил Петю рукой. Был он небритый, в мятой засаленной рубашке, с ленивым и глупым лицом. Пролетарий говорил, распростирая ароматы вчерашнего перегара водки и свежeweыпитого сегодня портвейна. Но, закуривая на лестничной площадке, пролетарий сипло прошептал, чтобы Петя берегся: приходил участковый, расспрашивал о Пете, о всяком разном. Особенно же интересовался, нет ли у Пети оружия и не ходят ли к нему какие-то странные люди. Петя так растрогался, что похлопал Запечного по плечу (потом, по врожденной брезгливости, старался незаметно оттереть руку).

Растрогаться-то Петя растрогался, но разумно рассудил, что бабка Кира – тоже пролетарский элемент, и зашел еще к ней – спросить самогончика. По сравнению с ароматами в комнате бабки Запечкин издавал просто райское благоухание.

– Да бери, бери... Тут по твою душу приходили. Участковый был, и еще один с ним, оттудова же.

– Расспрашивали?

– Не говори! Судом мне грозились, уголовное дело сварганить сулили, если показаний не дам. А какие, говорю, я могу дать показания, если к нему и правда не ходит никто, кроме студентов? Если ни оружия я у тебя не видала, ни лихих людей в твоей компании?

Когда Петя выходил из зловонной комнаты самогонщицы, бабка Кира его перекрестила.

Папа и дед знали, что Петей «интересовались органы», но самих их никто не расспрашивал. Петя уже чувствовал, что все это означает для него: круг сужается. Его родственникам не верят, не берут их в игру. Папа опять печально вздыхал и намекал, что просидеть пару месяцев подальше от Ленинграда было бы очень разумно. Петя и сам склонялся к такому мнению... Несмотря на подписку о невыезде.

– Сдам завтра экзамен... Тогда.

– Завтра же и уезжай.
Но этого «завтра» не было ни у кого.

На перекрестии прицела

Выходя на улицу, Петя уже привычно проверил – нет ли на набережной Мойки всяких подозрительных людей. Вроде не было! Он зашагал к Дворцовой площади и мостам, часто оглядываясь, или смотрел в зеркальные стекла витрин: вроде и не обернулся, а видно, идут ли за тобой. Никто не шел.

Вовсю лезли из земли травы во всех парках и палисадниках. Птицы чертили высокое яркое небо. Уже на Университетской набережной, близ университета, Пете помахала рукой незнакомая девушка. Незнакомка стояла на самом краю тротуара, призывно махала: мол, подойди! Петя подошел и улыбнулся... Лицо у девушки вблизи оказалось незнакомое и напряженное, Петя ничего не понимал. Почему-то ему очень не хотелось подходить к девушке ближе и очень хотелось оглянуться. Он только собирался спросить, зачем его звали, но не успел. Мелькнула какая-то тень... Петя был настороже, он повернулся всем телом к движению, и только поэтому предназначенное ему шило прошло мимо.

Какое-то мгновение Петя тупо смотрел на невыразительное лицо человека, который только случайно его не убил. «Этого не может быть! Со мной так не может... не бывает...» – билось в висках. Парень не повторял удара, он сунул шило в карман пиджака и опрометью кинулся бежать. Несостоявшийся убийца мгновенно смешался с толпой, Петя тут же потерял его из виду, да и не узнал бы при встрече. Обернулся... Девушки тоже нигде не было.

Круто развернувшись еще раз, Петя направился к университету – благо близко. А вокруг сияло майское утро тысяча девятьсот тридцать седьмого года от Воплощения Христа, сияющие небеса отражались в водах Невы, делали их такими же красивыми и яркими.

Перед входом в университет Петя еще раз обернулся на празднично сияющий мир, и будто что-то кольнуло сердце. Голос ему все утро говорил, что выходить из дому опасно, но Петя и так это знал. Знал безо всякого Голоса. А теперь, когда он в безопасности, Голос явственно сообщал Пете, что не так просто будет вернуться из-под сводов университета в этот сияющий мир. Защемило сердце, потому что дом, дед и папа вдруг отодвинулись куда-то. Голос ясно говорил, что дом Петя увидит не скоро...

Но что теперь-то можно было изменить?! Оставалось делать, что должно, и больше не слушаться Голоса. Правда, вот перед подворотней Петя тоже Голос не послушал... Окончательно запутавшись, Петя тоскливо вздохнул и быстро нырнул в гулкую высокую прохладу.

В коридоре встретились Пете девушки с младших курсов, хорошо знавшие Таню. Петя поздоровался; он хотел было передать Тане привет, попросить через подружек, чтобы она поддержала за него кулачки. Есть такой смешной обычай: если кто-то сдает экзамен, держать стиснутые кулачки и думать про этого сдающего. Тогда он хорошо и быстро сдаст экзамен.

Петя вовремя вспомнил, что с Таней они вчера поссорились.

Парень вошел на кафедру, там уже сидел профессор Арнольдов. Как всегда, в черной паре, как всегда, в очках и, как всегда, с таким видом, словно живет тут же, на кафедре. Он серьезно, строго кивнул Пете и помахал рукой: пошли. Спустились на первый этаж, куда-то свернули... В этом коридоре без окон Петя никогда еще не был. Тускло горели электрические лампочки, до конца не разгоняли вокруг мрака. Коридор кончался дверью. Обыкновенной деревянной дверью, со стеклом. За дверью была площадка и лестница, внизу снова пошел коридор. Старые вытертые ковры ловили звук. В конце коридора была опять дверь – но уже без стекла посередине, очень массивная дверь. Возле этой-то двери и остановился профессор Арнольдов. Остановился и встал спиной к стене, пропуская Петю к двери.

– Мне туда? – начал было Петя.

Арнольдов впервые улыбнулся – очень слабо, кончиками губ. Он прижал палец к губам, как на плакате «Не болтай!», другой рукой махнул в сторону двери. Пете вдруг перехватило

горло. Так перехватило только раз за всю его жизнь, когда он уже бросил тряпичную гранату, а надо было выпрыгнуть из окопа, упасть на землю между гусениц танка. Упасть, вжаться в землю и дать танку промчаться над собой. Петя был уверен, что сумеет, но он знал и другое: у танкиста свои задачи, он едет сам по себе. Если Петя упадет неровно, если одежда зацепится за что-то, может случиться всякое. Так вот и здесь...

Петя выпрямился, встретился с глазами профессора. Черные умные глаза были серьезными, строгими и добрыми – одновременно.

Петя кивнул, улыбнулся... Арнольдов смотрел так же ласково и строго. И тогда Петя толкнул дверь... Не поддавалась. Парню пришлось с силой потянуть дверь на себя, чтобы войти в слабо освещенную комнату. Он плотно прикрыл дверь за собой, как учили. Комната небольшая, квадратная; конечно, без окон. Лампочка под светлым абажуром, мягкий, довольно слабый свет. В противоположной стене – такая же глухая дверь, в которую Петя вошел. В третьей стене – маленькое окошко странной формы: полукруглое, высоко расположено, на уровне головы. За окошком стыла чернота. Возле четвертой стены – диван без спинки, с зеленой бархатной обивкой. Обивка потерянная, как и ковер на полу.

Петя знал, как должен вести себя в этой комнате. Он сел на диван, инстинктивно стараясь не производить лишнего шума. Сел. Ковер непревзойденно гасил звуки. Царила глухая тишина, какую не просто нарушить. Петя знал, что начинать говорить все-таки надо, и он нарушил тишину, произнес по-тибетски вполголоса:

– Здравствуй, старик.

Его голос прозвучал странно, надтреснуто. Петя сам бы не поверил такому неуверенному голосу. Но прозвучало громко, в комнате редкая акустика.

– С чего ты взял, будто я старик? – отозвались через черное окошко.

– Потому что ты почтенный старый Наимудрейший. Ты могуч, от тебя зависит, поверят мне или нет.

– Но почему Наимудрейший? Тогда – вождь!

Голос старый, надтреснутый, злобный.

– У меня нет вождей, я не из племени голоков, – почтительно продолжал Петя по-тибетски. – Мне не нравится страна голоков, там сплошные камни и лед, а я люблю теплые долины. Я живу в городе Чжэнцэ.

– Ты не можешь жить в городе Чжэнцэ! Такого города не существует.

– Он существует, старик. Если пойти от города Шицзэ вверх по реке Тонг, через три дня ты придешь в город Чжэнцэ. Я Чуй из города Чжэнцэ.

– И что я увижу по пути? Где я там буду ночевать?

– Первый день ты будешь идти широкой долиной, все время вверх. Ты будешь видеть везде дома, обработанные поля и абрикосовые рощи. Только к концу дня станет меньше абрикосовых рощ, а поля будут уже не везде...

Петя хорошо помнил фотографии. На всех них на фоне бешено мчащейся реки были отдельные домики, редкие стебли на заваленных камнями полях, а выше, на невероятную высоту, шли скалистые обрывы, постепенно переходящие в вершины. И это ведь еще одно из самых благодатных местечек Тибета...

– Где ты будешь там ночевать?

– Мы с отцом останавливались у крестьян... Там всякий даст пристанище путнику.

– Как звали крестьян?

Странный голос. Громкий, но как будто человек шепчет. Громкий шелестящий шепот, как и не голос человека. Голос, лишенный всяких красок. Страшный голос.

– Мы всегда жили у старого Пурчэна. У него жена Шицэ и дочка Тричам. Пурчэн варил много пива.

– Тебе не повезло, шпион! Я хорошо знаю Пурчэна! Он никогда не варил пива, так и знай!

– Ты мог знать одного Пурчэна, я знал другого. Пурчэн с реки Тонг всегда варил пиво, отец любил у него останавливаться.

Интересно, если самому Пурчэну показать этот диалог, что он скажет? Петя знал, что у Пурчэна одно ухо длиннее другого, но понятия не имел, есть ли у него чувство юмора. На дальнейшее зарубка: если уж заниматься такими шпионскими делами, делать себе «легенду», всегда надо узнавать побольше и про характер человека.

– Где располагался его дом?

– Дом Пурчэна лежал на острове... Маленький остров между двух окатанных глыб камня, и на нем – сразу дом, стена почти поднимается из воды.

– А как вы залезали в этот дом?

– Пурчэн опускал нам бревно, и мы поднимались по бревну.

– Врешь! Ты все забыл, со стен в Тибете спускают лестницу!

– Ха!!! Ты сам все забыл, Наимудрейший! В Тибете нет лестниц, там вместо лестниц делают насечки на бревнах и по этим насечкам поднимаются!

Пете показалось, что так продолжалось очень долго. «Старик» в своей каморке сыпал вопросами:

– Если ты встанешь возле дома лицом к реке, что ты увидишь?

– И что делал твой отец в этом городе?

– Как зовут главного святого города Чжэнцэ, где расположен его главный храм?

Петя вспотел от напряжения, от спертого воздуха этой комнаты. Между лопатками потекла струйка. Одно хорошо – он знал все ответы на вопросы, он отвечал, он все знал.

И вдруг:

– Ха! Ты все равно никакой не тибетец! Ты житель России, вот ты кто! У тебя акцент! Ты не умеешь говорить, как тибетец!

– Я говорю лучше тебя, – настаивал Петя. – Я даже знаю стихи по-тибетски! Хочешь, я тебе их прочитаю?

– Ты не сдашь экзамен! – ликовали, захлебывались за стенкой. – Ты европеец! Ты провалился, парень! Ты подставился!

Петя невольно вскочил. Этот полукрик-полушепот, мертвый голос из отверстия в стене заставил его сделать шаг... И тут же парень отшатнулся назад! Он чуть не подошел к окошку, разделявшему его и тибетца. Если бы он подошел, сидящий там мог бы увидеть его лицо. Он сразу понял бы – никакой он не Чуй из Чжэнцэ. Он знал бы, кто из его собеседников – европеец. А нужно, чтобы человек за стеной считал бы его настоящим Чуем из Тибета.

– Ты зря орешь на меня, старик. Я Чуй! Чуй, и мне было приятно говорить с тобой про мою родину, на своем языке.

За стенкой молчали. Кажется, Петя слышал сорванное дыхание... но, может быть, ему только казалось.

– До свидания, Старик. Мы еще встретимся.

Молчание. Тогда Петя толкнул дверь и опять оказался в коридоре. Ему говорили – не меньше двадцати-тридцати фраз. Он сказал намного больше, уже хватит. Он пошел по тому же коридору, где проходил минут двадцать назад. Дверь на лестничную площадку заперта! Плеснулась мутная, темная паника, пока Петя не вспомнил: вот она, черная кнопка. Он нажал кнопку и стал ждать.

Было неуютно в этом мертво молчащем коридоре, где ковер погашал звуки шагов. Хорошо, скоро пришел незнакомый Пете человек, отомкнул дверь. Человек привел Петю на очень привычное место – на кафедру. Тут все было простое и понятное: книги в шкапах, столы и стулья, исписанные листы на столах... Привычный, понятный ему мир. После полутора суток сплошного сюрреализма это было особенно приятно.

Что? Ах да! Какой он невежливый: это Мария Ивановна предлагает ему выпить чаю. Петя мотает головой: пить не хочется. И вообще ничего не хочется, он совершенно выжат, как лимон.

По коридору бегали, смеялись, какая-то легкомысленная молодежь заглядывала на кафедру. Петя едва не проворонил шаркающий звук шагов профессора. Зашел Арнольдов: с широкой, довольной улыбкой. Если бы ничего и не сказал, Пете все стало бы ясно от этой довольной улыбки.

– Петр Исаакович! Вы сдали экзамен, поздравляю.

– Спасибо... Спасибо, профессор!

– Мария Иванна, а вы нам не сделаете чаю?

Мария Ивановна тоже улыбалась: довольно и немножко гордо, словно это она сдала экзамен.

– Теперь хотите чаю?

– Теперь хочу!

Арнольдов легко, весело рассказывал, что испытатель назвал европейцем второго из четырех. Петя был третьим. Значит, его испытатель считал настоящим тибетцем Чуем!

– Или считал меня не таким подозрительным, как второй.

– В любом случае экзамен вы сдали... Поздравляю!

– Теперь вы меня возьмете лаборантом?!

Петя ляпнул и испугался: очень уж нахально получилось.

– Не возьму! – помотал головой Арнольдов. – Я вас возьму сразу ассистентом.

У Пети даже стало тепло в животе от удовольствия.

– Вы ведь знаете... – Арнольдов замешкался. – Вы ведь знаете, что нужен человек...

Действительно, Петрова недавно забрали. Кто думал – за длинный язык, кто полагал – за низкопоклонство перед старой буржуазной интеллигенцией... Точно никто ничего не знал, и вообще говорить на эту тему считалось глубоко неприличным. И вообще поминать «врагов народа» было совершенно неприлично, то-то Арнольдов и замешкался.

– Я знаю, – легко сказал Петя. Благодарный Арнольдов кивнул.

Опять говорили о приятном, понятном: о подготовке ассистентов, о том, что прикомандированные из «республик» не знают русского языка, а надо их как-то учить. Что надо будет Пете съездить в Улан-Удэ, в Монголию, попрактиковаться в бурятском языке, да и вообще узнать страну, народ.

Было еще совсем рано; настенные часы показали 12.

– Когда-то в это время на Петропавловской крепости стреляла пушка, – сказала Мария Ивановна, проследив петин взгляд. – Пушку потом отменили.

Петя невнятно промычал... Неосторожное замечание про пушку можно было понять и так, что Мария Ивановна осуждает, что коммунисты отменили старый обычай стрелять из пушки в 12 часов дня. Но, с другой стороны, ее слова – признак доверия.

Петя охотно позвонил бы, сказал своим, что сдал экзамен, все в порядке. Но отец сейчас на заводе, его нельзя отрывать, а деду позвонить никак нельзя: дома у них нет телефона. Он пойдет домой и там будет встречать папу, когда папа вернется с работы. А потом зайдет к соседям и позвонит от них, наконец, Тане. Потому что, хотя она все время ссорится с Петей, он будет к девушке великодушен, он поведет ее гулять и в Эрмитаж.

Бежать? Но зачем бежать, если его берут на кафедру? Того, кто убегает от «органов» и прячется в Белоруссии, вполне могут на кафедре и не оставить. Он же ничего не сделал плохого! Его хотят убить, но Петя же ни в чем не виноват!

– Завтра же зайдите на кафедру, Петр Исаакович. Надо вам входить в курс новых дел.

Так Петя Кац сдал важный экзамен и совсем было собрался остаться на кафедре тибетского языка и страноведения. Как и многие люди до него, Петя совершенно забыл мудрую

поговорку: «Если хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих планах». Ну, и другую поговорку он не принял всерьез: не убил плохого человека...

Первый плохой человек

Не успев выйти с кафедры, Петя встретил начальника первого отдела, Пеликанова. Пеликанов словно бы ждал Петю. А может, и правда поджидал?! Когда речь идет о Пеликанове, никогда ничего нельзя знать.

У Пеликанова высокий желтый череп и лицо, покрытое морщинами. Пеликанов, когда пишет, держит голову низко, и кажется – у него морщины даже на макушке. Или там и правда есть морщины?

Забывшее племя пелукбаков верило, что плохих людей надо убивать. Если их все время убивать, то мир постепенно станет лучше без их злой воли и злых дел. «Благодари богов, если ты встретишь только одного плохого человека за все утро», – гласила печальная мудрость забывтого племени. «Если ты встретил плохого человека, убей его», – продолжала другая.

Мрачная мудрость не спасла племя, давно перебитое тибетцами. От пыльной мудрости веяло скукой и жестокостью.

Первоотделец улыбался... Это была скверная улыбка.

– Пройдемте со мной, Петр Исаакович.

До сих пор глава Первого отдела никогда не говорил с Петей, даже как бы его не замечал. Проходил и смотрел куда-то вбок. А вот теперь он смотрел и улыбался. Что ему нужно от Пети?! Петр вошел в Первый отдел... Первый отдел разгораживала стойка, и посетители должны были стоять перед ней. По другую сторону стойки, под портретом Сталина, сидел неприметный человек, курил и писал. При виде вошедших он сделал вдруг понимающее лицо, потушил папиросу и вышел. Петя видел, что, вставая, человек сунул в карман кителя револьвер.

А на место этого человечка сел первоотделец Пеликанов. Он зашел за стойку и сел, теперь Петя стоял в Первом отделе, перед стойкой. А начальник Первого отдела Пеликанов сидел позади стойки, писал. Петя знал, что Пеликанов – очень плохой человек, но убивать его совсем не хотелось. Было скучно. Первоотделец все писал и писал.

– Рассказывайте! – гавкнул Пеликанов.

– О чем?

– Все с начала.

Петя едва поймал смешок: второй раз за сутки с ним говорили именно так!

– Про детство надо?

– С начала.

– Родился я в Севастополе, в тыща девятьсот пятнадцатом, в семье ремесленника, Исаака Иосифовича Каца. В Ленинграде живу с 1920 года, когда сюда приехал папа.

– Имя, отчество, фамилия отца?

– Кац Исаак Иосифович, из мещан, тыща восемьсот восьмидесятого года рождения.

– Чем занимался отец до семнадцатого года?

– Работал на винокурном производстве.

– Понятно, народ спаивал.

Спокойно, на органы нельзя сердиться.

– Отец научился производить разные спирта, теперь он работает на заводе.

– В каких партиях отец состоял?

– Ни в каких, кроме партии большевиков.

– Братья отца? Сестры? Родители?

– Отец единственный ребенок у деда, близких родственников у нас нет.

– Почему вы не пошли в инженеры, как отец?

– Мне нравились восточные языки... И вообще языки.

Петя подумал и пафосно добавил, специально для первоотдельца:

– Я считал, что принесу больше пользы Родине и партии, если изучу много языков.

Пеликанов раздраженно дернул плечом:

– И много языков вы изучили?

– Тибетский, монгольский... Китайский – хуже. Из европейских – немецкий, английский – хуже.

– Вы, я вижу, «ворошиловский стрелок».

Петя невольно покосился на отворот своего пиджака: на нем красовался значок. Только пожал плечами:

– Да.

– Хотя знаете, откуда пошел значок «ворошиловский стрелок»? – Задавая этот вопрос, Пеликанов ухмыльнулся особенно гадостно.

– Климент Ефремович Ворошилов был на зачетных командирских стрельбах летом тысяча девятьсот тридцать второго года. Стрелки после стрельбы выстроились у своих мишеней, они докладывали наркому свои результаты. А у одной, совершенно чистой, мишени командир посетовал – у него плохой револьвер. Тогда Климент Ефремович взял у этого командира оружие и сам отошел на рубеж для стрельбы. Семью выстрелами из «плохого» револьвера он выбил пятьдесят девять очков. Тогда Климент Ефремович вернул командиру оружие со словами: «Нет плохого оружия, есть плохие стрелки». После этого началось всенародное движение за всеобщую стрелковую грамотность.

– Историю эту вы знаете... А никогда не думали, что она бросает тень на качество командира Красной Армии? Неужели у этого командира мишень была совершенно чистой?! Вы повторяете клевету!

– Рассказ об этом случае был напечатан в окружной газете, а потом во всесоюзных газетах...

– Враги есть везде, товарищ Кац! Везде, в том числе и в газетах. И всех их мы выведем на чистую воду, имейте это в виду!

Пеликанов ткнул в Петю папиросой:

– А вы до сих пор ни одного врага народа не вывели на чистую воду! Почему?

– Ну... Я не имел дела с врагами... Не доводилось...

– Врете! Вы начинали учиться у Букреева: его взяли как врага народа, создателя контрреволюционного центра. На него написали сообщения другие товарищи, а вы не писали сообщений. Почему вы не сотрудничали с органами?

Особист откинулся на спинку стула, жадно затянулся папиросой. Спокойно... Только спокойно, как бы ни колотилось в груди сердце.

– А меня никто не спрашивал и не звал сотрудничать с органами. Может, я бы и пошел.

– Ждете особого приглашения? – прищурился Пеликанов. – И еще считаете себя комсомольцем? Ну-ну... Вот другие не ждут ничего, когда надо помочь органам! Многие ваши товарищи по группе... по курсу... многие заходят ко мне. Это вас я в первый раз вижу в этой комнате.

Пеликанов говорил, и рожка у него делалась совершенно торжествующей. Он чуть ли не кричал: «Попался, гад!»

– Я проявлял бдительность вместе со всеми... Как все.

– Нет, – затряс головой Пеликанов, опять зажег новую папиросу. – Нет. В изучении языков вы проявили активность намного большую, чем остальные ваши соученики. Вот вас и в ассистенты берут. Всех – не берут, а вас – берут. А вот в помощи органам вы проявили намного меньшую активность, чем все. Совершенно неизвестно еще, достойны ли вы занять должность ассистента на кафедре, будете ли вы хорошим советским специалистом.

Пеликанов подчеркнул именно слово «советским». В комнатке повисло молчание. Петя (сухо во рту, колотится сердце...) начал было бормотать, что он успешно поможет... он еще докажет... А Пеликан уже спрашивает про другое:

– А почему вы, товарищ Кац, ничего не рассказываете, как вы мешали переизбранию секретаря комсомола вашего курса, товарища Чебрикова?

Петя сам понимал, как хрипло звучит его голос:

– Я не мешал... Меня друзья попросили помочь избрать Колю... Колю Севастьянова...

– Товарищи? Кто именно? Когда и о чем просил?

– Мы собирались... у Васи... Собирались и решили поддержать Колю. Нам Коля больше нравился... всем...

– Собирались... Кто? Сам Николай Севастьянов там был?

– Коли не было... Были Вася Нефедов... Алеша Дорофеев... Саша Алекшин... Мила Сотникова...

– И все были за избрание Коли? Против мнения партийных товарищей?!

– Все... Поэтому я и выступал...

– Ну вот теперь вы молодец, товарищ Кац. А то все думают: как это избрали не того секретаря, которого выбрали старшие, опытные товарищи. А тут, выходит, целый заговор. Вот сколько народу собралось... И никто не посоветовался...

Пеликанов назидательно поднял прокуренный палец.

– Заметьте, никто, ни один человек в этой компании не посоветовался со старшими товарищами. И с компетентными органами тоже никто не посоветовался.

– Мы думали сами... Разве мы сами не можем?... Мы ничего плохого не хотели...

По лицу Пеликанова разлилось выражение прямо-таки сусальной святости.

– Неужели вы будете рассказывать сказки, что в этой компании не велись антисоветские разговоры?

– Нет, конечно!

– А вот у меня другие сведения!

Пеликанов сунул очередной «бычок» в уже полную с краями пепельницу, торжествующе ткнул в сторону Пети новой, еще не зажженной папиросой:

– И если верить этим сведениям, вы очень даже участвовали в этих разговорах, товарищ Кац!

«Так он же просто играет со мной, скотина!» – вспыхнуло вдруг в голове Пети. И, усмехнувшись почти нахально, Петя бросает:

– А я вот антисоветских разговоров не припомню. У нас компания нормальных советских людей.

С четверть минуты Пеликанов изучал Петю, склонив к плечу голову. «Неужели так удобно?!» – думал Петя.

– Петр Исаакович... Товарищ Кац... А ведь вы неправильно понимаете... и политику партии вы неправильно понимаете, и своих товарищей тоже. Думаете, на вас сигналов не было? Были!!! – рявкнул вдруг в полный голос Пеликанов и рванул кулаком по столу. – Были на вас сигналы!! От Василия Нефедова? Были! От Александра Алекшина? Были!

С этими словами Пеликанов бросал на стол перед собой какие-то бумаги, отпечатанные на машинке.

– И обратите внимание, органы до сих пор не приняли никаких мер. А почему? Почему, а? Вы не задумывались, товарищ Кац?

Петя пожал плечами... Он сам знал, что вид у него самый жалкий.

– Да потому, что органы вам верят... все еще верят! А вот вы, я вижу, совершенно не верите органам.

«Яхве! Яхве! Яхве!» – подумал Петя, в точности как дедушка. Вот сейчас он и начнет разговор о том самом проклятом нападении... Но Пеликанов заговорил о другом... Он сделал эффектную паузу, опять раскурил папиросу.

– Я верю... верю органам! – жалко пискнул Петя.

– Но ваши друзья пишут о вас, а вы ничего нам не пишете. Поставьте себя на наше место и сделайте выводы.

Пеликанов замолчал, занялся какими-то бумагами. Сидел, ковырялся, писал. Да и что ему? Он-то наверняка выйдет из той комнаты. А Петя? То есть выйдет, конечно, но куда?! Нахлынул душный ужас, с потной шеей и затылком, со струйками пота вдоль позвоночника и помутнением сознания, с идиотской жалостью к себе. Мало того, что его сейчас заберут... Где-то ведь есть еще и Чаниани... Как только его заберут, им займется еще и Чаниани...

– Я напишу все, что вы скажете.

Петя сам не узнавал своего голоса в раздавшемся здесь сиплом карканье. Пеликанов вскинул голову:

– Я ничего вам не собираюсь говорить. Если вы что-то напишете, то только то, что сами считаете нужным.

– Бумага...

– Вот, берите сколько нужно. И чернила... Да сядьте! Сядьте вот тут, за стойку, тут будет удобно писать.

Петя как сомнамбула потянул на себя дверцу... Вошел... Теперь Петя сидел перед стопкой бумаги, совершенно не зная, что писать. Антисоветские разговоры? Но ведь и правда никто не вел этих самых... антисоветских... Никому это не было нужно... Подставить... Но кого?! Мальчик с хорошим воображением и гибкой психикой, Петя представил себе, что обвинил Васю в попытке застрелить Кирова... Нет, это полная глупость... А! Вася оправдывал убийц Кирова... И вот Васю забирают, Вася в органах с недоумением рассказывает, что это все Петя придумал. А остальные ребята с той вечеринки? Они дружно пожимают плечами и подтверждают слова Васи. И смотрят на него, Петю... Петя вспотел еще сильнее, живо представляя эти взгляды.

Пока Петя думал, с занесенного было пера упала капля – как раз туда, где должны были появиться описания преступных речей. И зазвонил телефон! Что удивило Петю, Пеликанов говорил о Пете совершенно открыто:

– Да... сидит у меня, все в порядке... Думаю, проблемы не будет... Нужна будет группа, я скажу.

«Это он про меня говорит! – с ужасом выдохнул Петя, буквально плавая в собственном поту. – Будет надо, вызовет целую группу!» Пот тек по позвоночнику, по животу; пот пахнул не как обычно, а неприятно, как-то обреченно, кисло. На собственном опыте Петя познавал, что такое «ледяной пот». И как пахнет смертный ужас.

– Я выйду ненадолго, – самым светским образом сообщил Пеликанов. – А вы пока подумайте еще.

Он аккуратно запер бумаги в сейф, так же аккуратно запер Петю и ушел с самым непроницаемым лицом. А Петя стал читать стихи, аккуратно прищипленные кнопкой к стене. Перед самым стихотворением сообщалось, что Первое мая – не только великий пролетарский праздник, но день рождения нестигаемого борца с троцкистско-бухаринско-зиновьевскими вырожденками, верного сталинца Николая Ивановича Ежова.

В сверкании молний ты стал нам знаком,
Ежов, зоркоглазый и умный нарком.
Великого Ленина мудрое слово
Растило для битвы героя Ежова.

Великого Сталина пламенный зов
Услышал всем сердцем, всей кровью Ежов.
Когда засияли октябрьские зори,
Дворец штурмовал он с отвагой во взоре.
Сверкая булатом, он смело ведет
В атаки одетый в шинели народ.
Он бьется, учась у великих батыров,
Таких, как Серго, Ворошилов и Киров.
С бойцами он ласков, с врагами суров,
В боях закаленный, отважный Ежов.
Когда над степями поднялся восход
И плечи расправил казахский народ,
Когда чабаны против баев восстали,
Прислали Ежова нам Ленин и Сталин.
Приехал Ежов и, развеяв туман,
На битву за счастье поднял Казахстан.
И вторит народ, собираясь вокруг:
– Привет тебе, Сталина преданный друг!
А враг насторожен, озлоблен и лют.
Прислушайся: ночью злодеи ползут.
Ползут по оврагам, несут изуверы
Наганы и бомбы, бациллы холеры...
Но ты их встречаешь, силен и суров,
Испытанный в пламени битвы Ежов.
Враги нашей жизни, враги миллионов,
Ползли к нам троцкистские банды шпионов,
Бухаринцы, хитрые змеи болот,
Националистов озлобленный сброд.
Они ликовали, неся нам оковы,
Но звери попались в капканы Ежова.
Великого Сталина преданный друг,
Ежов разорвал их предательский круг.
Раскрыта змеиная вражья порода
Глазами Ежова – глазами народа.
Всех змей ядовитых Ежов подстерег
И выкурил гадов из нор и берлог.
Разгромлена вся скорпионья порода
Руками Ежова – руками народа.
И Ленина орден, горящий огнем,
Был дан тебе, сталинский верный нарком.
Ты – меч, обнаженный спокойно и грозно,
Огонь, опаливший змеиные гнезда,
Ты – пуля для всех скорпионов и змей,
Ты – око страны, что алмаза ясней.
Седой летописец, свидетель эпохи,
Вбирающий все ликованья и вздохи,
Сто лет доживающий, древний Джамбул
Услышал в степи нарастающий гул.
Миллионноголосое звонкое слово

Летит от народов к батыру Ежову:
– Спасибо, Ежов, что, тревогу будя,
Стоишь ты на страже страны и вождя!

«Это же мы – «ядовитые змеи» и «скорпионья порода»! – задыхался от ужаса Петя. – Это же нас выкуривает Пеликанов! Мы – звери, которые попали в его капканы!»

Полной дуростью оказывалось все, что Петя пытался писать. Он напишет, припишет друзьям «антисоветские речи». А потом их так же посадят, скажут каждому, что другие уже донесли, и они тоже напишут, какие антисоветские речи вел Петя. Всех их посадят как врагов народа, а Пеликанов перевыполнит план по арестам.

Позже Петя даже немного гордился, что так ничего и не написал. Хотя понимал – гордиться нечем, просто Пеликанов большой дурак. Тогда же Пеликанов вернулся нескоро, довольный и сытый. Аккуратно, деловито отомкнул сейф, так же деловито выдернул у Пети единственный почти чистый лист бумаги.

– Не написали? Так я и думал. Скрываете своих соратников... Похвально! Очень побелогвардейски. К тому же осмелюсь напомнить: ухаживаете за дочерью сомнительного специалиста... Было дело? Или осмелитесь отрицать?

– Профессор Бурдуков – не враг народа!

– Пока не выведен на чистую воду, так точнее. Еще точнее – пока что профессор Бурдуков ничего не сделал, но мы к нему очень присматриваемся! Очень! А вы ухлестываете за его дочкой. Подобное, как я понимаю, к подобному тянется.

– Я и не отрицаю, что ухаживаю за Татьяной... Но Бурдуков вовсе не враг!

– Не отрицаете? Это хорошо, хоть здесь правду сказали. Похвально-с. Только вражеское кубло все же на вашем курсе есть, и вам это кубло распрекрасно известно. И в другом месте тоже ошибка вышла. Продолжаете утверждать, что вы Кац? Петр Исаакович Кац?

– Да. Конечно, утверждаю, это я.

– А вот и нет! – обрадовался Пеликанов. – Вот и нет, вы вовсе даже и не сын гражданина Каца.

– Вы ошибаетесь... Я сын!

– Да помолчите вы... – Пеликанов даже повысил голос, ладонью хлопнул по столу. – Органы знают.

Петя дико смотрел на Пеликанова. Тот даже ухмылялся эдак злобно и вместе с тем победно: вот я знаю, а ты вовсе и не знаешь.

– Никакой вы не сын Исаака Иосифовича Каца... – напряженно, с ударением произнес Пеликанов, внимательно глядя на Петю. – И вот как раз это обстоятельство вы совершенно напрасно скрыли от органов.

Незнакомец

Нельзя сказать, что Пете захотелось убить Пеликанова. Захотелось со всего размаха двинуть ему, как говорили в школе, «с разворота в глаз». Или пнуть в бок, целя носком сапога в печеньку. Давно хотелось, но тут захотелось так сильно, что даже стало трудно с собой справиться. Так они с Пеликановым и меряли друг друга взглядом, когда вдруг открылась дверь, обыкновенная дверь позади Пеликанова: дверь в другую комнату Первого отдела, где хранятся всякие важные документы.

Петя как-то и не думал, что кто-то может сидеть в комнате, пока он беседует с Пеликановым... Но вот дверь открылась, и вышел из двери такой незаметный, неприметный человек лет тридцати пяти – сорока. Очень обычный человек, с очень обычным, невыразительным лицом. Петя не уверен, что смог бы узнать на улице этого неприметного человека. Много таких пролетарских лиц, лиц умных деревенских мужиков, попадаетеся на улицах, в магазинах, пивнушках, трамваях... словом – решительно везде.

А вместе с тем незнакомец Пете понравился. Чувствовался в нем ум, и чувствовалась в нем сила. Сила была в жилистой фигуре, крупных кистях рук с набрякшими венами. В энергичной сторожкой походке. Человек двигался, стоял, прислонившись к косяку двери, даже разминал папиросу как сильный, опасный зверь... В нем неизвестно почему очень угадывалась способность быть смертельно опасным.

С первого взгляда Пете напоминал он ягуара. Почему ягуара? Непонятно... Наверное, потому, что Петя знал: леопард – самый мелкий из крупных хищных кошек. А этот стоящий человек никак не мог быть самым мелким... Как-то с ним это совсем не сочеталось. Человек улыбался Пете... Не широко – одним уголком рта, но улыбался. Вид у человека был такой, словно Петя ему тоже нравился.

При появлении человека Пеликанов вскочил, уронив что-то со стола, вытянулся по стойке «смирно».

– Погуляйте пока, – небрежно бросил человек. Пеликанов даже засопел от спешки, выматываясь из кабинета.

– Впрочем, мы тоже уйдем, – сообщил незнакомец Пете Кацу. – И скажи-ка, а не пора тебе обедать?

– Еще не знаю... – разлепил губы Петя. – Вы кто?

– Зови меня товарищ Васильев, ладно? А обедать нам и правда пора. Пошли, Петя, пора поговорить с тобой серьезно.

После всех событий и чудес последних дней Петю трудно было удивить. Тем более «товарищ Васильев» внешне был приятнее даже Арнольдова, не говоря о Пеликанове, милицейском следователе и Чаниани. Не говоря о том, что речи вел приятнее и тембр голоса у него был нормальный, мужской, а не визгливый мям, как у Пеликанова.

Но куда он ухитрился угодить?! Чего от него нужно всем этим людям?! Петя никак не мог понять.

– Давай, товарищ Кац, сядем вот тут...

Из тесной комнатки Первого отдела вела дверь в другую комнатку, побольше, со шкафами и большим кожаным диваном. Здесь тоже висел портрет Сталина и плакат, изображавший мордатого парня с безумным выражением лица. Парень прижимал к груди красную книжечку и возводил очи горе. Под изображением помещены были вирши такого содержания:

Кто бед и тревог не боится,
Кто сердцем дорогу нашел,
Кто к нашей победе стремится —

Такие идут в комсомол.

Еще в этой комнатке стоял небольшой удобный столик; за этот-то стол присел Петя, подчиняясь руководящему жесту «товарища Васильева». Васильев что-то приказал по телефону, сел напротив.

– Скажи правду, товарищ Кац: боишься меня?

– Не боюсь... Мне просто непонятно, зачем все...

Петя немного приврал: он чувствовал, что товарищ Васильев чем-то отличается от всех петиных знакомых. Петя не боялся... Голос не заставлял насторожиться насчет Васильева... Но что Васильев отличался – это точно.

– Зачем ты нам? Объясню. А меня не боишься ты напрасно; постепенно поймешь, почему. А Пеликанова боишься?

– Опасаюсь...

– И зря. Пеликанов – так, мелкая гнида. Он не сам по себе, ты не думай: ему велели тебя прихватить.

– Чаниани?!

– А что? Для Пеликанова даже Чаниани – царь и бог. Чаниани тебе не верит, потому что не знает ничего. А я знаю, и я тебе верю.

Трудно описать, каких размеров камень упал с петиной головы. Из органов... верит... ему!

– Вы знаете, я попал в историю...

– Знаю. И в какую историю ты попал, знаю, и почему попал, тоже знаю. И тех, кто тебя убить хотел, знаю. Они и правда германцы.

– Меня еще два раза пытались убить... Раз – шли за мной... следили. А сегодня утром пытались ткнуть шилом.

– Рассказывай.

Петя рассказал во всех подробностях. Васильев задавал короткие вопросы, например: а сколько метров было до следившего за ним человека, когда он заметил Петю и побежал? А девушка у обочины – она была светлая или темненькая? Сколько ей может быть лет? Петя честно старался отвечать и закончил вопросом:

– Зачем же все-таки им меня убивать? Если они и правда из германской разведки?

– Это я тебе расскажу. Будь готов – тебя еще много раз будут пытаться убить. Или пока мы своей цели не достигнем, или они.

– А почему Чаниани мне не верит?!

– Потому что у него информации нет. Будь я на его месте, ты и для меня был бы самый подозрительный тип. Если такие люди, как разведка, убивают кого-то посреди Ленинграда, они многим рискуют. Если решились – значит, есть на то веские причины.

– Но вы же верите...

– Верю, потому что у меня информация есть. А теперь давай про тебя, товарищ Кац. Если ты, Петя, меня не устроишь, я тебя, конечно, отдам Пеликанову. Даже не специально отдам, а просто отступлюсь – и разбирайтесь сами. Тогда придется тебе его бояться. Но вообще-то Пеликанов потому и злобствует, что ты его и умнее, и сильнее. Если будешь слушать меня и учиться, многого сможешь достигнуть. Знаешь, в чем Пеликанов все-таки прав?

– В чем же?

– А в том, что Исаак Кац – твой приемный отец. Ты вообще что самое раннее помнишь?

– Самое раннее?..

– Да. Ты себя, скажем, четырехлетнего помнишь?

– Нет...

– Вот видишь? Человек должен себя в четыре года помнить, а ты не помнишь. Значит, есть на то причины. А пятилетнего себя помнишь?

– Пожалуй... Но не себя помню, а деда. Глядя на деда, я впервые захотел знать иностранные языки.

– Как так?

– Дед молился на древнееврейском... У него был полосатый талес... Это такой молитвенный платок...

– Я знаю, что такое талес.

– Так вот, на дедушке талес, и он говорит на непонятном никому языке... Мне было так интересно, что даже в животе сделалось холодно. Я потом деда спрашивал, он учил.

– Но древнееврейского все-таки ты толком не знаешь?

– Несколько десятков слов, понимаю молитвы.

– Еще что помнишь?

– Из пяти лет? Как собираем грибы... Дед палкой отодвигает траву, а я рву и складываю грибы в корзинку.

– Крым помнишь?

– Нет, Крым не помню... Разве море... Море немного я помню. Я там купался – потому, наверное, запомнил.

– Помнишь, как сидел в море?

– Ну да... Вокруг оно колыхается... поднимается – и сразу вниз... я его ладошкой мерить пытался...

– А кто тебя ждал на берегу?

– Не помню... Я помню только море.

– А отца в Крыму – помнишь?

– Отца не помню.

– А не можешь ты помнить отца в Крыму, – веско сообщил ему «Васильев». – Хорошо, что не врешь.

– Почему не могу?

– А потому, – так же веско произнес в этом месте Васильев, – что с этим человеком, со своим будущим отцом, ты и познакомился в Крыму... Но вы сразу оттуда уехали. Вспомни, когда ты первый раз увидел отца. Это было в Севастополе.

Петя напряг память... Что-то было в этой истории... Что-то важное, но очень страшное, очень... Такое страшное, такой жутью пахнувшее, что Петя даже благодарен был своему мозгу, не вспомнившего этого ужаса. Хотел вспомнить – но был рад, что забыл. Какой-то кошмар жил позади, и пусть бы он, как думал Петя, там бы навсегда и оставался.

Петя помотал головой с жалкой улыбкой. Если Васильев и был разочарован – он очень умело это скрыл.

– Знаешь, в чем преимущество органов? Есть такая английская поговорка: «Называть кошку кошкой». Не слыхал?

– Не-ет...

– А жаль, с этой поговоркой познакомиться тебе еще придется. Интеллигенция – она выдумывает и сама своих выдумок боится. Вроде пока о чем-то не скажешь – чего-то и не существует. Дикари вот боятся называть медведя: а то заговоришь про него, он и придет. А у нас бояться нельзя, у нас называют вещи своими именами. Например, что твой отец – вовсе и не отец.

– А кто мой отец?

– Пока ты знать этого не заслужил, – развел руками Васильев. – Дальше посмотрю на твое поведение, товарищ Кац.

Вошел парень в форме НКВД, вскинул ладонь под козырек.

– Вольно. Неси еду, парень, и шанцевый инструмент.

– Извините?..

– Ну, чем копают в тарелках? Вилки, ложки...

Тот же парень и еще один внесли подносы с едой, расставляли на столе судки, тарелки, от них сильно запахло по всей комнате. Петя невольно сглотнул слюну: время-то бежало к четырем пополудни. И это было не просто что-то, лишь бы что-нибудь перекусить, не обед из университетской столовой. Настоящий ресторанный обед с жирным наваристым борщом, толстым бифштексом в полтарелки, сыром, бужениной и оливками. Отдельно подали тарелку с фруктами. Петя первый раз в жизни видел такую сервировку. А парни расставили, будто все это обычное дело, откозыряли и пропали.

– Ты водку пьешь?

– Если немного.

– А много я тебе и не дам. Сегодня нам еще работать и работать, Петр.

Васильев ловко разлил водку по рюмкам.

– Ну, за встречу и за то, что ты ко мне попал.

Водка на голодный желудок сразу ударила в мозг. Стали ватными ноги, появился легкий звон в ушах. Все предметы, и Васильев тоже, как бы отодвинулись и в то же время стали более объемными, красочными, интересными. Петя расчувствовался:

– Я еще за то хочу выпить, что вы мне верите.

А вот Васильев не расчувствовался:

– Ты больше сметаны в борщ клади, не экономь. Времени у нас мало, можно сказать, совсем нет. Так что ты лучше, пока кушаешь, расскажи мне, что ты знаешь про Шамбалу.

Петя чуть не подавился коркой:

– Про Шамбалу?!

– А чего ты так вскинулся? Выполняй приказ, излагай.

Не иначе, придала Пете храбрости водка...

– Товарищ Васильев! А почему вы приказываете? Я зачислен в ваш отряд?

Под острым взглядом быстрых смородиновых глазок Петя смешался, но все же закончил:

– Я ведь просто не понимаю, что происходит. Может, вы мне объясните?

Васильев задумчиво положил кусок буженины на хлеб.

– Ч-черт... Вот судьбы мира решаю, а толком не знаю до сих пор, рукой или вилок надо брать эту вот колбасу... А ты знаешь?

Петя ошарашенно помотал головой.

– А надо знать... Тебе узнать придется, если вернемся. Значит, так... Давай сейчас про Шамбалу, это главное. А потом я тебе объясню, кто ты, куда призван и почему. Договорились?

Петя всмотрелся в глаза Васильева, пытаясь понять этого человека. Ничего он не увидел в этих глазах ни про Васильева, ни про себя, ни про свою с Васильевым судьбу. Темные, как черная смородина, глаза Васильева отражали ум, решительность и жестокость. Да, этот человек чем-то отличался от всех виденных Петей людей! Петя подумал, что лучше всегда быть на стороне человека с такими глазами. И что его вредно сердить.

– Договорились... Первоначально Шамбала – это мифическая страна... что-то вроде страны блаженных. Где она находится, в древности указывали в разных местах. Чаще всего считают, что когда-то так называли страну мертвых – по представлениям первобытных народов, в страну мертвых можно прийти или приехать так же, как в любую другую страну. Потом появилось представление, что в Страну Мертвых так просто не ходят: чтобы туда попасть, нужно совершать сложные ритуалы, и находится она не на Земле. А о Шамбале продолжали рассказывать, как о стране, где живут великие мудрецы.

В индуcской «Махабхарате» рассказывается, что в Шамбале рождается одно из воплощений бога Вишну...

К удивлению Пети, Васильев слушал очень внимательно, даже начал медленней жевать.

– Первые упоминания о Шамбале встречаются в тексте Калачакра-Тантры. Мистики на Востоке считают, что буддистский святой Атиша, или Адиша, принес Калачакру прямо из Шамбалы, в тысяча двадцать седьмом году.

– А на самом деле как было?

– Точно этого никто не знает, но тексты известны с одиннадцатого века...

– У нас тогда правил Ярослав Мудрый? Все правильно?

– Да. Рассказывают, что Калачакра сохранилась со времен Будды Гаутамы... С шестого века до нашей эры. У нас тогда ничего не было, потому что еще не было России.

– А что было?

– Были древняя Греция, Афины и Спарта. В Афинах в это время устанавливалась демократия, а персидские цари собирались завоевать Грецию... Или чуть позже? Да, точно! По легенде, Будда жил еще до первой Греко-персидской войны, примерно с 563 по 483 год до нашей эры... А первая Греко-персидская война началась в 499 году до нашей эры – Будда тогда был уже стар...

– Значит, наука Будду признает?

– Не все его признают... Но многие считают, что Будда Гаутама жил на свете. Что это сын правителя королевства Шакья, принц Сиддхартха Гаутама. Он жил очень спокойно и счастливо, его оберегали от всех бед и тревог. Но однажды он поехал кататься и в один день увидел рожаящую женщину, умирающего старика, калеку под деревом и мудрого старца, размышляющего о смысле жизни.

– Именно этих и увидел?

– По другой версии, Будда увидел в один день старого калеку, больного человека, разлагающийся труп и мудрого отшельника. Тогда он понял правду жизни: что мучения, болезни и смерть неизбежны, что бедных больше, чем богатых, и что даже удовольствия богатых в конечном счете все равно превращаются в прах.

– ...И тогда Будда в возрасте двадцати девяти лет ушел в отшельники, чтобы создать свое учение, – подхватил Васильев. – Давай о Будде потом... Пока просто скажи, через сколько лет после него жил Александр Македонский?

Петя немного посчитал.

– Получается, примерно через двести лет после Будды.

– Так Калачакру принес Будда?

– Это легенда... Если ей верить, то Калачакра и принесена из Шамбалы, а в самой Шамбале еще, может, много чего лежит, связанное с Буддой. Мы не знаем. Говорят, например, что после смерти труп Будды Гаутамы сожгли, а пепел разделили на восемь частей, и эти части лежат в специально возведенных ступах. Но говорят еще, что часть праха Будды лежит как раз в Шамбале. И потому Шамбала до сих пор – страна святых.

– Другие версии есть?

– Про святых?! Наука не признает святых...

– Про Шамбалу версии есть?

– Их много... Рассказывают, например, что Шамбала была царством в Средней Азии. Ее царь Сучандра побывал в Южной Индии, чтобы приобрести знания, и даже сделался бессмертным. В девятом веке в Среднюю Азию вторглись мусульмане. И тогда царство Шамбалы сделалось невидимым для человеческих глаз. То ли ушло под землю, то ли вообще в параллельное пространство. С тех пор только чистые сердцем, святые люди могут найти дорогу в Шамбалу. Примерно так же во время монгольского нашествия на Русь город Китеж ушел под воду озера Светлояр... И только хорошие люди могут увидеть его в озере...

Товарищ Васильев! Неужели вас интересуют старые восточные сказки?!

– Сперва доскажи... Доскажи, где находится Шамбала и что это такое.

– Пожалуйста... – пожал плечами Петя. Он попросил взглядом разрешения, Васильев кивнул, и Петя налил еще водки.

– Шамбалу обычно помещают в Тибете... Искали ее и в Монголии, и в Средней Азии, но чаще всего ищут в Тибете. Восточные мистики ждут, что при двадцать пятом царе Шамбалы Ригдэн Джапо произойдет великая битва между силами Добра и Зла... В христианской мифологии такая битва называется Армагеддон. Есть множество буддистских икон, где Ригдэн Джапо сокрушает врагов Учения. Это такой символ победы мудрости над невежеством, общего духа над эгоизмом, ума над глупостью... в общем, всего хорошего над всем плохим. Ригдэн Джапо победит, и наступит новая эпоха жизни человечества. Такое идеальное время, когда все у всех будет хорошо...

– Тебе это коммунизм не напоминает?

– Учение о новой эпохе?

– Да. Шамбала и ее цари – это как партия. Битва Ригдэн Джапо – как мировая революция, после которой будет коммунизм. Похоже, а?!

– Может, и похоже... Только очень уж все тут мистическое. И у других народов есть такие Шамбалы: китайцы верят в Западное Царство богини Гуаньинь, где все бессмертны и счастливы, у русских староверов есть поверье, что где-то в Азии лежит страна Беловодье... Они даже искали Беловодье, и, конечно же, не нашли!

Васильев задумчиво ждал.

– Очень неопределенное все... Даже вот цари Шамбалы – то их двадцать пять, то тридцать два. А есть ведь и вообще совершенно другие понимания Шамбалы... Например, что Шамбала – это состояние души, путь соединения человека с Богом. Найти Шамбалу – значит достичь просветления... А что такое это просветление? И как я должен воссоединиться с Богом?

– Верно! Наворочено тут много. Но, может, что-то и было... Было, а у разных народов сохранились смутные слухи про Шамбалу? Как сумели, так и поняли, а суть одна? Может быть такое, а, наука?

– Не знаю... Может и быть, только я в это не верю.

– А Бадмаев верил? Как ты думаешь?

– Петр Александрович?! Это живая легенда... Никто точно не знает, во что он верил и во что не верил.

– И даже сколько он жил, никто наверняка не знает, верно?

– Ну-у... Да...

– А Цибилов? Он в Шамбалу верил?

– Гомбожаб Цэбэкович – тоже живая легенда... Я учился по его учебникам.

– Если я скажу, что оба они верили в Шамбалу? Тогда как?

Васильев впился глазами в лицо Пети. Ему явно был важен ответ.

– Если такие авторитетные люди... Может, за этим что и стоит... Только понять бы еще, что.

– А как ты думаешь, если Шамбала есть, может она поддержать коммунистов?

Петя окончательно перестал понимать, что происходит. Не только от водки шумела и кружилась голова.

– А зачем коммунистам нужна Шамбала?

Васильев долго смотрел на Петю поверх блюда с полусъеденными фруктами.

– Неужели ты сам не понимаешь? Если мы сможем передавать информацию мгновенно и на любое расстояние – у кого будет преимущество? У нас или у наших врагов? Отдал товарищ Сталин приказ, и его тут же узнали все красные командиры... хоть в Монголии, а хоть и в Париже.

Это информацию... А если можно перемещать войска – тоже мгновенно? Империалисты ничего и не подозревают – а Красная Армия уже в Лондоне и в Париже. Представляешь? Прямо по Пикадилли, посреди Лондона, вдруг маршируют красноармейцы. Возникли из ничего – и пошли.

– Тогда можно и уничтожать целые вражеские армии...

– Верно! Только зачем уничтожать? Вышел в море английский флот – и исчез! Все думают, что он погиб, Англия в трауре... Если даже и погиб – уже великое дело. Но их флот вовсе и не погиб, он у нас в плену! Он стоит в параллельном пространстве, а мы пропаганду проводим, агитацию. А потом флот – р-раз! И опять появился у берегов Англии... под красным знаменем. А?!

От этих перспектив тоже кружилась голова и сладко щипало в носу.

– Значит, задача – найти Шамбалу и раскрыть ее тайны...

– Раскрыть или любым другим способом использовать... Если не захотят отдать нам – пусть используют как наши союзники. С Шамбалой весь мир будет наш... И даже внутри сзэ-эра Шамбала может пригодиться. Вот сейчас бы мне твои мысли читать, а?! И вообще любому начальнику?! Ни одной ошибки в работе с кадрами не сделаешь. А в работе следователя?! Приводят врага в кабинет – следователь на него посмотрел и даже не спрашивает ни о чем, сразу же все в протокол написал. Это же золотое дно, Шамбала...

Петя понимал – Васильеву лучше поддакивать. Вон как глаза у него вспыхнули, как подался вперед, и даже голос охрип. Но привык, привык Петя анализировать, думать, понимать.

– Весь мир будет наш, но получается – у Шамбалы и так весь мир есть. Мы ей зачем?!

– Для построения коммунизма, товарищ Кац... Для построения коммунизма во всем мире. Шамбала сохранила мечту всего человечества, а мы ее пронесем и осуществим! Везде, по всему миру...

– Идею я, кажется, понял... Хотя извините, товарищ Васильев, если не всю и не совсем...

– Еще поймешь. Теперь дошло, зачем нам нужен человек, который по-тибетски говорит, как тибетец?

– Да... Но можно ведь и других найти, не хуже. Хотя бы того, кто меня сегодня экзаменовал.

– Знаешь, как его зовут? Пурчэн... Ты придумал имя, которым его самого зовут... Тот он взвился – решил, ты по Тибету его знаешь...

Васильев широко заулыбался.

– Так вот Пурчэн – это старый никчемный дурак. Он запойный пьяница; вот мы тут сидим, а твой экзаменатор уже валяется с бутылкой сивухи. И другие тибетцы не лучше... Нужны такие, как Бадмаев, да их нет.

Постучав, зашли люди в форме НКВД, забрали тарелки и «шанцевый инструмент».

– Куришь?

– Немного. Иногда.

– А я курю. Приучился, когда чистили Казань... Три дня ходил в мокрой форме: рукава все в крови. Знаешь, как сделаться бесстрашным?

– Как?

Васильев затянулся папиросой.

– Ты про Блюмкина слышал?

– Троцкист?!

– А ты не нервничай. Он не только троцкист, он еще работник каких мало. Очень нам не хватает таких... Я думаю, был бы сейчас жив Симха Гершевич, он же Яков Григорьевич Блюмкин, он бы вел советский отряд на Шамбалу. Он, а не я. Ты что слышал о Блюмкине?

– Что и все... Что это агент Троцкого, расстрелян «за измену революционной чекистской армии».

– И все?!

– Он работал на Востоке... Знал языки, это он в тысяча девятьсот восемнадцатом убил германского посла Мирбаха.

– А что он с тыща девятьсот двадцать третьего по тыща девятьсот двадцать девятый работал в иностранном отделе ОГПУ? Что это был наш резидент в Палестине, Внутренней Монголии, Тибете, Китае? Что его жизнь и до этого тоже больше всего похожа была на авантюрный роман? Ты Дюма читал?

– Кто же его не читал?! – невольно заулыбался Петя. – В четырнадцать лет прочитал.

– Я не читал! – отрезал Васильев. – Прочитал уже взрослым... А читал знаешь зачем?

Петя замотал головой.

– А затем! – веско обронил товарищ Васильев. – Затем, что без знания Дюма ходишь со своим пролетарским происхождением как дурак, не понимаешь половины, о чем говорят подчиненные. Те, которые Дюма в четырнадцать лет прочитали.

Так вот – никакому герою Дюма за Блюмкиным было бы не угнаться... Это раз. Жизнь – феерия, просто приключенческий роман. Блюмкин знал, кроме иврита, еще турецкий, арабский, китайский, монгольский. Он мог изображать китайца, которого арабы воспитали в Палестине, и он говорит на турецком языке с арабским и китайским акцентом... Ты бы так смог?

– Сейчас – точно нет...

– Это ты ответил хорошо. Учиться будешь – все оскоишь. А вот Блюмкин в Афганистане искал связей с исмаилитами. Слышал про такую секту?

– Как не слышать... Исмаилиты почитают своего лидера Ага-хана живым богом. Всех, кто узнает их тайны, исмаилиты убивают. Говорят, они и людей в жертву приносят.

– Все верно, приносят... Так вот, Яков Григорьевич шел в Индию с караваном исмаилитов. Арестовали его не исмаилиты, а англичане! Блюмкин бежал из их тюрьмы, а по дороге прихватил с собой секретные карты и документы английского агента. Ты бы мог так?

– Скорее всего, нет...

– Потом Яков Григорьевич работал под видом монгола, буддистского монаха. Тогда в Тибет шла экспедиция Кольки Бубиха... Ты с этим сокровищем еще познакомишься... Блюмкин должен был попасть в Лхасу и там поднять восстание против Далай-ламы... Колька Бубих сам вроде знал монгольский, хоть и плохо. Он в дневнике чуть ли не каждый день записывал, какой этот лама ученый и умный. Уже когда вернулись в Россию, «лама» вдруг заговорил по-русски... Бубих чуть в обморок не грохнулся!

– Товарищ Васильев, а ведь вы не любите Бубиха...

– Сам полюбуешься! – отрезал Васильев. – Так вот – меня Блюмкин многому научил. И тебя научил бы, хотя ты вот университет закончил, а он учился на ходу, языки осваивал без всяких мудреных экзаменов. Троцкист... Да, на том и погорел. Вернулся из Турции, после встречи с Троцким стал вербовать свою любовницу. А та и донесла... Между прочим, вот тебе мой совет – никогда не доверяй женщинам. Блюмкин вот однажды доверился... А бежать за границу не сумел, повязали его. Перед смертью Яков Григорьевич пел «Интернационал» и кричал: «Да здравствует товарищ Троцкий!»

– Вот восхищаетесь вы Блюмкиным, товарищ Васильев. А ведь он и правда был троцкист...

– В этом я его не одобряю... Хотя и Троцкий... Но это тебе рано знать... Главное – помни, что я Троцкого не одобряю! Но Блюмкин был профессионал... Какой диверсант погиб! А мне был учитель и пример... Он меня и научил, как стать бесстрашным. Знаешь, что надо сделать для этого?

– Что же?

– Надо выпить полный стакан человеческой крови. После этого ничего не страшно, никакая холера не берет. Вот посмотришь.

– Все равно до конца не пойму, зачем я вам.

– Одну причину я назвал... Вторая в том, что ты – человек надежный. И с рацией, и со стволом в руках – надежный. Я ж читал докладные на тебя, проверял. И как сотрудник ты надежный. За тебя вон как принялись – а ты еще и сдаваться не хотел. С одной стороны, вел ты себя глупо. После твоего приключения в подворотне нужно или сдаваться «органам», или бежать. А ты ходил и, получается, ждал, когда прикончат.

– Отец советовал сбежать и спрятаться.

– Правильно советовал. Но, понимаешь, информации и у него правильной тоже не было. Если б была, он бы тебя силой отправил от Ленинграда подальше. Собрал бы друзей и силой увез бы, прямо в тот самый вечер. Вот тебе другая сторона дела: у кого информация, тот и сильнее. Информации ни у тебя, ни у твоего отчима, ни у Чаниани не было... Вот все вы и бултыхаетесь, как рыбки на берегу. А есть еще и третья сторона! – жизнерадостно рывкнул Васильев. – Проверенный ты теперь. Вел ты себя по-дурацки. Если б не я, ты б уже в камере сидел. Но уж теперь всем и тебе самому тоже про себя много что понятно. Чаниани тебя прямо в пасть Пеликанову пихнул: хотел, чтобы ты начал своих сдавать, а там и беспомощным стал бы. Уязвимым. А ты и не выдал никого. Молодец! Хотя и соблазн был... Верно?

– Вам и Шамбала не нужна... Вы что, мысли читаете?!

– Твои – читаю! – захохотал Васильев. – У тебя на лице они написаны. Вот чему научиться придется, – так это делать лицо таким... Непроницаемым...

Васильев сделал вдруг такое «непроницаемое» лицо, что Петя не выдержал, засмеялся.

– Лучше я буду учиться делать лицо, как у вас... чтобы оно оживленное, а все равно ничего прочитать было бы нельзя.

– Вот это правильно, хвалю, – очень серьезно произнес Васильев. – Самое лучшее – уметь молчать о том, о чем не надо говорить. А обо всем остальном трепаться сколько угодно. Пусть все видят: ты ничего не скрываешь...

А с тобой главное что? Тебя прижали – а ты вел себя хорошо. Это тебе большой плюс. В такие дела, какое мы затеваем, если брать человека – сто раз надо проверить. А ты, получается, проверенный, и не сомневайся, еще не раз тебя сам проверять буду.

– Значит, если бы я написал донос на друзей, вы бы меня с собой не взяли?

– Если бы написал половинчато и потом ругался бы с Пеликановым, торговался, то взял бы, но уже, прости, не с тем доверием. Вот если бы написал про речи преступные своих друзей, потом бы и дальше их валил, тогда я бы вообще к себе тебя не взял бы. Потому что тогда ты и не надежен, и труслив, и даже просто глуп. Только дурак не поймет, что Пеликанов твоими руками сначала твоих друзей сожрет, а потом и за тебя примется.

– Но они ж на меня написали!

– А давай проверим, что они тут на тебя написали?

К удивлению Пети, Васильев подошел к сейфу Пеликанова, стал копаться в замке чем-то маленьким, блестящим, что он достал из кармана.

– Ага!

Замок щелкнул, дверца начала открываться... Васильев вывалил бумаги Пеликана на стол, стал копаться...

– Эти бумаги?

– Вроде эти...

– На, смотри! И делай выводы, товарищ Кац.

Да, это были те самые, написанные от руки и напечатанные на машинке бумаги, которые держал, которыми махал в воздухе Пеликанов. Только никакие это были не заявления, не описания чьих-то антисоветских речей. Перед Петей валялись докладные записки – кто-то скучно

докладывал начальству, что средства на наружную слежку израсходованы и что результатов не дали. Петя по два раза тупо прочитал обе бумаги. Васильев откровенно хохотал:

– Убедился? На пушку тебя брали... На арапа!

– И если бы я написал...

Пете перехватило горло от отчаяния – в такую бездну он невольно заглянул.

– Все верно: если бы ты написал, ребят можно было бы шантажировать уже легко. И быстро бы вы все, мои милые, друг в друга тыкать пальцами стали бы, друг друга валить. А это Пеликанову – просто счастье. Ну что? Закрыли вопрос?

– Закрыли... Только с Пеликановым я бы все равно хотел встретиться...

– Если вернемся, хочешь, его тебе отдам?

– И делать с ним смогу, что захочу?

– Хоть на кусочки порежь. Связываться не стоит, не твой масштаб, но хочешь – пожалуйста. А есть и еще одна причина, по которой я тебя решил брать к себе. Говорить?

– Конечно.

– Дело вот в чем... – Васильев опять посерьезнел. – Дело в том, что твой настоящий отец и твоя настоящая семья – ясновидцы. Плохие, может быть, но ясновидцы. Вот ты сегодня утром не чувствовал ничего?

– Когда заходил в университет, было странное чувство, что в эту дверь больше не выйду и домой не скоро попаду.

– И не выйдешь, мы уйдем через другой выход. Так что чувство вовсе и не странное. А еще не было предчувствий?

– У меня они бывают... Я называю это Голосом...

– Подробнее!

Петя рассказал про Голос – как он не раз спасал Петю в самых разных случаях. Васильев слушал с великим вниманием. Он и не думал смеяться.

– Это великий дар, товарищ Кац... – произнес он почти что расслабленно. – Только тебя учили, что все это ерунда, слушать такие переживания совершенно не надо... Учили ведь?

– Внутренние голоса – это же мистика какая-то... А эмоции – так это ж такое что-то... дамское...

– Вот-вот. А я тебя попрошу наоборот: как только что-то почувствуешь – сразу ко мне! Договорились?

– Конечно... Так, значит, будем искать Шамбалу...

– Уже ищем. Ты уже член отряда, мы в походе.

– Постойте... Надо же подготовиться... взять снаряжение... Одежду... Рюкзак...

– Все тебе дадут, не сомневайся. Сейчас уже вечер. Мы с тобой едем на вокзал, прямо сейчас едем в Москву. В Москве – на поезд, уже со всей экспедицией. Вник?

У Пети закружилась голова...

– Прямо сейчас?

– А что тянуть? Сразу скажу – никакого выбора у тебя нет. Теперь вся твоя жизнь зависит только от одного: от того, как мы проведем операцию. Вернемся, выполнив задание, – все, что только хочешь, твое будет. Кровь Пеликанова? На здоровье. Квартира? Да любая. Должность? Называй, какая только нравится. Самое главное – я назову тебе твое настоящее имя. Все зависит только от тебя.

– Мне только надо сообщить домой...

– Зачем?

– Чтобы не искали, не волновались. Отец или нет, Исаак Иосифович мне был хорошим отцом... Иосиф Бенцианович – хорошим дедом...

– А вот этого как раз совсем нельзя.

– Почему?!

– Да потому, что ни к чему рассказывать о любых наших делах. Ни папе, ни дедушке не надо. И знать, куда мы отправились, им тоже совершенно не обязательно. Ты что думаешь, никому наши дела не интересны? Шамбалу ищут и немцы... Как ищут! Как ищут!

– Мои никому ничего не скажут...

– Втереться к ним в доверие... Применить некоторые средства допроса... Не спорь, я сто раз проверял: не рассказывают ровно того, чего сами не знают.

– Но меня ж будут искать! В милицию заявят, в розыск подадут... Тот самый шум, информация...

– Нет, Петя, искать тебя никто не будет. Ты ведь уже покойник, Петя. Тебя нет.

Васильев говорил спокойно, веско. Из черной папки достал он газету... Газету «Ленинградская правда», и была эта газета странным образом, датирована завтрашним числом. И была в газете заметка, что после сданного экзамена на Университетской набережной Невы попал под тяжелый грузовик выпускник Восточного отделения филологического факультета Петр Исаакович Кац. Что грузовик так искалечил студента, что только по документам Каца и опознали.

– Петя... – тихо, человечно позвал Васильев. – Вот сейчас мы сидим, а твоим уже сообщили о твоей смерти. Завтра в университете поставят гроб... Закрытый гроб, потому что ты ведь изуродован. И после всех положенных процедур тебя похоронят. Когда вернемся – сможешь объявиться, но не раньше.

Петя молча сидел. Внутри у него опять сделалось пусто.

– Ну, пошли?

Тут опять что-то случилось: распахнулась дверь в Первый отдел. Именно что распахнулась, ее не открыли, а решительным жестом отшвырнули. Шаги трех как минимум людей: открытые, уверенные, шумные.

– Сиди на месте... – чуть слышно шепнул Васильев, а сам стремительно переместился, встал за дверью. В руке у него словно каким-то волшебством оказался маленький пистолетик с несоразмерно длинным толстым стволом.

Вошли трое в форме НКВД.

– Товарищ Кац?

– Это я.

Петя продолжал сидеть. Он чувствовал, что нет опасности, и чувствовал, что ему двигаться не надо. И еще ему казалось, что он понимает Васильева.

– Где товарищ Васильев?

– Васильев вышел пописать.

Один из трех неуверенно улыбнулся, а стоящий впереди, главный, рассердился:

– Вы врете! Отсюда никто не выходил!

Петя вытянул ноги, потянулся.

– Васильев вышел в окно.

Выглядело это крайне глупо, но главный мотнул головой. Один из пришедших вернулся во вторую комнату, осмотрел забранное массивной решеткой окно. Петя не выдержал и засмеялся. У главного заходили желваки на скулах.

– Встать!

– Не хочу, – Петя замотал головой. Впервые Голос говорил ему не бежать, не прятаться. Голос говорил Пете, что он сильнее этих вооруженных людей. А Петя теперь слушался Голоса.

Глаза у главаря сделались бешеные. Он шагнул к самому столу, его люди шагнули за ним.

– Встать! Гнида. Контра проклятая. Встать! – напряженно, вполголоса выговаривал главный.

– А вот сейчас Васильев придет, вам всем покажет, – продолжал веселиться Петя.

Опять же – действовала не водка. Просто Петя чувствовал, что ведет себя правильно.

– Встать!!! – заревел, как буйвол, старший.

Петя пропустил момент, когда вдруг дважды прошелестело. Головы у двоих, стоявших позади, дернулись. Их словно толкнуло сзади; люди в форме подались вперед, налетели на третьего, главного. Главного кинуло на стол, почти на Петю. Двое стоявших сзади продолжали падать; они рухнули с отвратительным стуком, по разные стороны стола.

Главный выпрямлялся, тащил из кармана оружие, уже почти вытащил, когда по комнате в третий раз промчался странный шелест. Голова у главного дернулась, он на мгновение замер в странной позе – вставал, да так до конца и не встал. Не меняя этой неустойчивой позы, он начал падать... Так и падал, не выпрямившись, назад. Трепещущее тело повалилось на стол, подергиваясь, перекатилось. Оскаленное лицо с дырой во лбу оказалось возле правого локтя Пети. А из дыры вдруг фонтаном рванула кровь. Сантиметров двадцать высотой, этот фонтан хлынул, растекаясь, заливал петин пиджак и рубашку. На боку стало мокро, в ноздри ударил тревожный стальной запах. Петя вскочил, попятился... споткнулся о что-то тяжелое, но и податливое, мягкое. Снова шарахнулся. Кровь продолжала заливать стол и диван.

– Ну что ты так рванул? Вроде трупов уже повидал. Лучше посмотри, штука хорошая.

Васильев показывал пистолет с толстым стволом... Нет! Это на ствол было накручено что-то.

– Между прочим, немецкая работа, – немецкий РР 7,65 с глушителем. Мы и тебе такой заведем, товарищ Кац. Кровь замой, товарищ Кац, хотя бы на пиджаке. Замывай быстрее, и пошли.

Петя не мог отойти от морока. В комнатке валялись три убитых в упор в головы труп, стоял стальной, тревожный запах крови. Кровь продолжала заливать пол; чтобы не стоять в луже, Петя был вынужден подвинуться.

– Товарищ Васильев... Это ж свои...

Петя указал рукой на форму:

– «Свои!» Зачем они пришли, помнишь?

– За мной...

– И за тобой, и за мной. Убивать нас они пришли... эти «свои». Вот в чем ты молодец, ты очень хорошо себя вел. Помог мне просто замечательно. Было бы у нас время, прямо сейчас дал бы тебе выпить стакан крови. Сам догадался, что их морочить надо, или Голос услышал?

– И то и другое...

Васильев кивнул, и тут Голос прозвучал внутри Пети еще раз...

– Товарищ Васильев... Может, это полная блажь, но только наружу мне не хочется... Голос мне не советует.

– Блажь не блажь, а все может быть. Пойдем-ка!

Вышли из Первого отдела, и товарищ Васильев, стараясь не шуметь, подвел Петю к окну. К самому обычному окну первого этажа, с видом на внутренний двор. Тихий вечер, деревья еще голые, стоит машина: «черный ворон», выкрашенный в черный цвет «газик». В машине – шофер, рядом стоит молодой человек в штатском, рука в кармане. В стороне прохаживаются еще двое.

– Все в порядке? – Петя спрашивал с огромным облегчением.

– В машине люди мои... Но ты посмотри внимательней и скажи – куда тебе особенно не хочется.

Петя всмотрелся, напрягая воображение. Двор как двор... Принадлежащее университету и при том мало посещаемое место. Открытое, светлое, ни в какое сравнение не идущее с подворотней место! Но, как ни странно, в этом пространстве и правда оказались места, куда ему особенно не хотелось. Очень не хотелось ему, например, заворачивать за угол здания. И садиться в машину не хотелось. А вот место с другой стороны здания было «чистым».

– Значит, засада за углом. Чтобы мы поехали и прямо на поджидающих. Дорога-то единственная, и куда она выводит?

– К воротам...

– А сперва заворачивает за угол. Верно? Тут всех сразу и положить. Та-ак...

Васильев завозился, доставая из внутренних карманов приличных размеров пистолет.

– Бери.

Руку Пети сразу оттянуло.

– Тоже иностранный... «Маузер». Пользоваться умеешь?

– Нас на сборах учили.

– Значит, так: если кого-то завалишь – молодец. Но это не обязательно. Если просто заставишь противника залечь, напугаешь – уже хорошо. А палит эта штука очень громко. Ну, пошли.

Что-то плыло как сквозь балдахин папиросного дыма. Что-то причудливо менялось. Голос, дурацкая блажь, оборачивался спасителем. Восточная мистика – необходимейшей частью народно-хозяйственных планов. Папа был вовсе не папа. Живой Петя оказывался покойником. Вечернее здание университета оборачивалось полем боя. Торцы зданий – местами засад. В коридорах следовало подумать о секторах обстрела, в аудиториях – о путях отхода, точках минирования и доступности для метания гранат. Петя шел по коридору родного университета с револьвером и собирался применить его против засады. Надо же...

Вот для Васильева все было понятно и привычно. Васильев явно не испытывал желания помотать головой. Васильев энергично шагал по коридору, по-хозяйски вошел в аудиторию... Очень деловито, не потратив лишней минуты, Васильев отворил окно... мягко так, придерживая рукой. И махнул Пете – вперед! Петя считал, что он спрыгнул на мягкую землю бесшумно, но Васильев покачал головой. Сам он спустился с высоты в полтора метра, как призрак, придерживаясь за подоконник левой рукой: в правой опять был небольшой пистолет с огромным толстым стволищем.

Смеркалось, только мягко мерцало небо на закате, над Петроградской стороной. Горели уличные фонари. Тихо-тихо двигались поделышки вдоль фасада здания... Петя почти перестал бояться – все внимание сосредоточивалось на том, чтобы не издать ни единого звука. Стараюсь двигаться так же тихо, по кивку Васильева вылетел за угол. И сразу увидел! Прямоугольная яма, ближе к другому углу торца, метрах в десяти. Яма – световой колодец, для глухого подвального окна. Из этой ямы торчали как минимум два силуэта, еще темнее вечернего двора.

Васильев не вел переговоров: его пистолет издал уже знакомый громкий шелест, второй... Одновременно со вторым «шелестом» один из «силуэтов» выпрыгнул из ямы, словно подброшенный пружиной. Мгновение – и он, повернувшись в невероятном прыжке, уже стоял лицом к стрелявшему. Но Петя не зевал, он вел стволом, перехватил тяжелое оружие второй рукой. Пистолет гроыхнул гулко и страшно, эхо заметалось между зданий, где-то залаяли собаки. Человек рухнул навзничь, словно его сильно толкнули.

Петя замешкался... Он просто не знал, что надо делать дальше. А Васильев уже стоял над ямой, над лежащим человеком, тихо звал:

– Макаров! Дмитриенко!

Из-за угла вылетали эти двое – тоже бесшумно, как тени. Ничего не объясняя, Васильев показал рукой. Двое спрятали пистолеты, потянули из ямы лежащего лицом на земле. Перед ямой лежало нечто, у чего сразу угадывался ствол. Длинный, совсем не пистолетный. А Васильев махнул Пете: «Помогай!» Они вдвоем начали поднимать, как думал Петя, убитого им человека. Раненый застонал, вся правая половина груди у него была залита темным, тревожно и жутко пахло кровью.

– Ти-хо! – отдельно и страшно произнес Васильев. Как ни странно, человек замолчал.

Все было сделано мгновенно: труп, пулемет и трое людей сидели позади сидений. На втором сиденье Васильев и Петя сжимали между собой хрипящего раненого, шофер вел.

На улице к ним кинулись двое, и Петя уже полез за пистолетом. Тянул ствол и дико думал: «Привыкаю». Оказалось – это были два милиционера, патруль, вовсе не нужно стрелять.

– Товарищи! Вы слышали стрельбу?

– Мы и стреляли. Враг уничтожен, товарищи, переходите к своей дальнейшей службе.

– Да вы сами кто будете?!

– Старший майор госбезопасности Васильев!

Васильев произнес это так, словно лязгнули гусеницы танка. Он не дал в руки удостоверения, просто показал его открытым. Милиционеров как взрывом отнесло от машины.

– Теперь, товарищ Кац, нам в городе нечего делать: разве этого вот допросить.

«Этот вот» тяжело дышал, все сильнее хрипел. Кровь пропитала уже и брюки, заляпала сиденье и пол. В этой залитой человеческой кровью машине Петя и начал путь в Шамбалу. Как ни был Петя напряжен, как ни сложно было у него на душе, все-таки Петя был очень молод, обучаем, легко приспосабливался ко всему. Пете все еще хотелось иногда помотать головой... Казалось, что стоит помотать, – и исчезнет кошмар последних дней; он опять окажется дома, расскажет, как сдавал экзамен, а дед побежит ставить чайник...

А одновременно Петя входил во вкус своей новой жизни – и увлекательной, и страшной. К тому же он не так много ездил на машинах, чтобы не получать удовольствие.

Город уже давно спал. Даже странно было на фоне пустых улиц, черных окон, что вдруг зазвенел, металлически завыл на поворотах трамвай. Раза два проносились по улицам машины: «ЗиС» и еще такой же «черный воронок», как у «Васильева».

– Куда мы едем?

– Отвыкни задавать вопросы, товарищ Кац. Все узнаешь.

Машина проехала мимо огромного здания на Литейном, 4. Уже три года здесь было здание НКВД...

– Знаешь, кто это здание построил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.